СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

8

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1872.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С-Петербургъ, январь 1872 г.

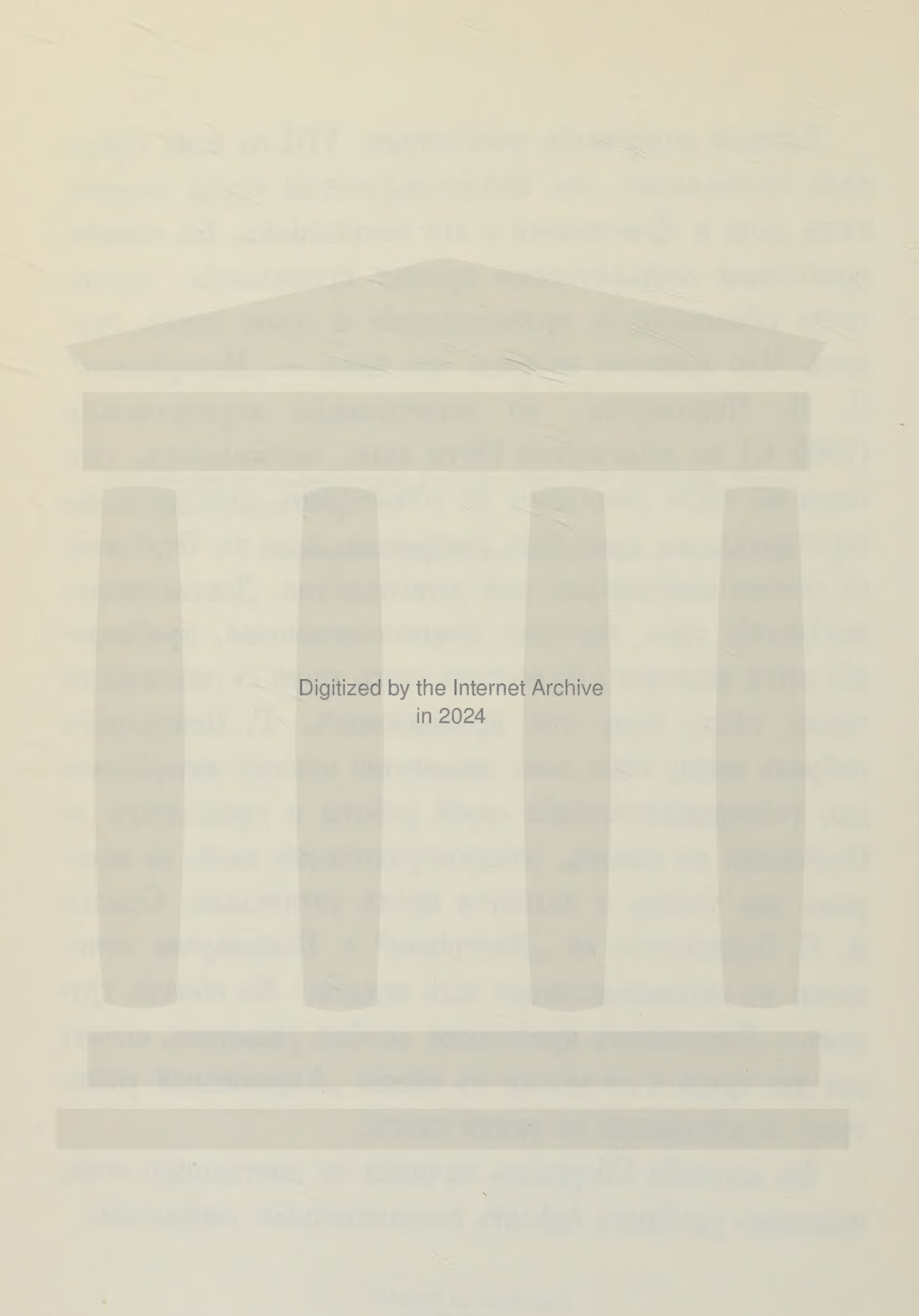
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

Главное содержаніе настоящаго, VIII-го тома Сборника составляютъ два библіографическіе труда стороннихъ лицъ о Ломоносовѣ и его сочиненіяхъ. Къ обоимъ приложены составителями краткія предисловія, достаточно объясняющія происхожденіе и идею этихъ трудовъ. Что касается втораго изъ нихъ — „Матеріаловъ" С. И. Пономарева, то напечатанные первоначально (1865 г.) въ количествѣ 19-ти лишь экземпляровъ, они тогда же были разосланы къ нѣкоторымъ ученымъ и литераторамъ съ просьбою возвратить ихъ въ Отдѣленіе съ своими замѣчаніями или дополненіями. Доставленныя вслѣдствіе того, впрочемъ немногочисленныя, прибавленія нынѣ включены въ составъ этого труда съ означеніемъ именъ тѣхъ, кому они принадлежатъ. Г. Пономаревъ собралъ между тѣмъ самъ множество новыхъ матеріаловъ для усовершенствованія своей работы и предложилъ ее Отдѣленію въ новомъ, распространенномъ видѣ, въ которомъ она теперь и является предъ читателями. Ссылки А. С. Будиловича на „Матеріалы" г. Пономарева относятся къ первоначальному ихъ изданію. Къ обоимъ трудамъ о Ломоносовѣ приложены особые указатели, почему эти два труда и не вошли въ общій „Алфавитный указатель", помѣщенный въ концѣ книги.

Въ заглавіи Сборника, начиная съ настоящаго тома, признано удобнымъ сдѣлать незначительное сокращеніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Январь — мартъ 1870.

Почти всѣ наличные члены Отдѣленія были заняты въ истекшіе три мѣсяца печатаніемъ болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ изъ которыхъ одни приводятся къ концу, а другіе только что начаты.

Такъ П. П. Пекарскій приступилъ къ печатанію 1-го тома исторіи Академіи Наукъ. Это — начало труда, которому академикъ посвятилъ семь лѣтъ почти непрерывныхъ архивныхъ разысканій, такъ какъ при недостаткѣ печатныхъ извѣстій онъ нашелся вынужденъ почерпать нужныя ему свѣдѣнія преимущественно изъ старинныхъ рукописей и дѣлъ. Въ настоящее время отпечатано 18 листовъ помянутаго тома.

Имѣя также непосредственное наблюденіе за изданіемъ «Исторической библіографіи», составляемой помощниками библіотекаря русскаго Отдѣленія Академической Библіотеки, братьями Ламбиными, П. П. Пекарскій внесъ просмотрѣнную имъ рукопись продолженія этого труда, относящуюся къ 1861 году, и просилъ разрѣшенія приступить къ печатанію ея. Опредѣлено представить о томъ въ Общее Собраніе, которое уже и изъявило на то свое согласіе.

Академикъ Бычковъ окончилъ порученное его надзору печатаніе Бѣлорусскаго словаря г. Носовича и составилъ къ этому изданію предисловіе, вполнѣ одобренное Отдѣленіемъ.

Ак. Гротъ приводитъ къ окончанію печатаніе переписки Державина съ 1794 по 1816 годъ. Къ доставленнымъ ему прежде матеріаламъ для этого изданія присоединились еще слѣдующіе, принятые Отдѣленіемъ съ полною признательностью:

1) Нѣсколько писемъ поэта къ Потемкину и къ В. С. Попову изъ бумагъ Рѣшетиловскаго архива, поступившихъ въ Одесское Общество Исторіи и Древностей. На эти письма указалъ академику живущій въ Одессѣ М. Ѳ. Шугуровъ, вслѣдствіе чего Я. К. Гротъ обратился къ секретарю означеннаго Общества съ просьбою о сообщеніи съ нихъ копій, которыя вскорѣ и были обязательно присланы Н. Н. Мурзакевичемъ.

2) Библіографическій указатель разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ статей относительно Державина, составленный П. С. Пономаревымъ, который вмѣстѣ съ этимъ сообщилъ указатели напечатанныхъ въ журналахъ трудовъ П. А. Плетнева и князя П. А. Вяземскаго.

3) Точныя свѣдѣнія о пожалованныхъ Державину Екатериною II бѣлорусскихъ деревняхъ, собранныя въ Могилевѣ, по просьбѣ академика, Я. Л. Эйлеромъ и доставленныя имъ съ приложеніемъ подлиннаго документа.

4) Изданная г. Брафманомъ въ Вильнѣ «книга Кагала», въ которой напечатаны между прочимъ документы, могущіе служить подтвержденіемъ разсказа Державина въ его Запискахъ о козняхъ противъ него Евреевъ; книга доставлена издателемъ по благосклонной иниціативѣ князя П. Р. Багратіона.

5) Нѣсколько дѣлъ изъ архива здѣшняго магистрата, переданныхъ Г. К. Рѣпинскимъ.

6) Нѣсколько офиціальныхъ сношеній Державина, найденныхъ въ одномъ архивѣ Н. И. Григоровичемъ.

7) Два подлинныя письма, полученныя отъ В. Н. Воейковой, и одно такое же отъ П. П. Гетце чрезъ посредство П. В. Анненкова.

8) Дополнительныя свѣдѣнія о переводѣ оды «Богъ» на иностранные языки, отъ помощника директора Чешскаго музея А. О. Патеры.

9) Составленная академикомъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ замѣтка о вновь издаваемой имъ киргизской поэмѣ Кузъ-Курпячъ, о русскомъ переводѣ которой говорится въ перепискѣ Державина.

Сверхъ того Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что къ одному изъ печатаемыхъ имъ писемъ приложено неизвѣстное доселѣ мнѣніе Державина о составленномъ Сперанскимъ въ 1811 г. проектѣ учрежденія правительственнаго и судебнаго Сената; но такъ какъ въ рукописяхъ поэта остался только отпускъ этого мнѣнія, то ака-

демикъ счелъ нужнымъ сличить его съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, и испросивъ на то согласіе г. государственнаго секретаря Д. М. Сольскаго, убѣдился, что въ бумагахъ Державина уцѣлѣла сверхъ самаго отзыва весьма любопытная первоначальная редакція мнѣнія его, которая, вѣроятно по причинѣ своей рѣзкости, не была отправлена къ Сперанскому и потому въ архивѣ Совѣта не имѣется.

Ак. Срезневскій, продолжая изслѣдованіе нѣкоторыхъ вопросовъ по Кормчей книгѣ, занялся сличеніемъ древнѣйшихъ списковъ ея, и кромѣ того, что̀ могъ самъ сдѣлать по подлинникамъ, воспользовался помощію члена-корреспондента Академіи, архимандрита Амфилохія, и баккалавра Московской Духовной Академіи Е. Е. Голубинскаго, которые сообщили ему выписки изъ списковъ, имъ доступныхъ.

За тѣмъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія за означенное время были между прочимъ слѣдующіе доклады и чтенія:

И. И. Срезневскій, заявивъ о послѣдовавшей въ Москвѣ 11-го января кончинѣ корреспондента Академіи Наукъ А. Ѳ. Вельтмана, сообщилъ и замѣчанія о трудахъ его:

«А. Ѳ. Вельтманъ (умершій на 70-мъ году жизни), подвижничалъ въ нашей литературѣ болѣе 50-ти лѣтъ съ одинаковою ревностію и въ лѣта юности, когда, во время славы Пушкина, пробовалъ свои силы въ поэзіи, и позже, когда, въ годы своей собственной славы, то задушевными, то странными разсказами увлекалъ читателей какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ писателей, и еще позже, до послѣднихъ лѣтъ, когда онъ, уже не прославляемый критиками, иными даже вовсе не замѣчаемый, могъ бы и не продолжать трудиться, еслибы литературный трудъ былъ для него не потребностію души, а дѣломъ разсчета. Не умѣя ни увлекаться чужими вкусами и убѣжденіями и потакать имъ, ни сдерживать себя въ своихъ личныхъ увлеченіяхъ, сколько бы ни были они наперекоръ увлеченіямъ, господствовавшимъ въ литературѣ, онъ становился все болѣе особнякомъ въ средѣ другихъ писателей и не многими былъ оцѣняемъ безпристрастно. Отъ этого изъ огромнаго количества его разсказовъ менѣе другихъ обратили на себя вниманіе современной критики, хотя и болѣе другихъ замѣчательны достоинствами, тѣ, которые или вошли, или могли бы войдти въ въ рядъ «Приключеній почерпнутыхъ изъ моря житейскаго», гдѣ простота и искренность изложенія, искусство обрисовывать лица, положенія и обстоятельства немногими рѣзкими чертами, обиліе и

вѣрность припоминаній и наблюденій, выражающихъ бытъ и нравы общества, одинаково могутъ увлечь непредубѣжденнаго читателя. Самъ Вельтманъ впрочемъ не очень дорожилъ своимъ дарованіемъ и искусствомъ разскащика-наблюдателя и своими разсказами. Съ лѣтъ молодости онъ увлекался вопросами науки древностей и историко-археологическими изслѣдованіями: это видно изъ его разсказовъ изъ рода тѣхъ, къ которымъ принадлежитъ его «Кощей Безсмертный», когда-то приводившій въ изумленіе и критиковъ, и питателей, подчинявшихся приговорамъ критики. Позволявши себѣ быть свободнымъ поэтомъ въ изображеніи древности въ этихъ разсказахъ, онъ допускалъ почти такую же свободу въ объясненіяхъ быта и обычаевъ древняго и стараго времени и въ своихъ изслѣдовательныхъ и археологико-описательныхъ сочиненіяхъ, и промежду строками, дававшими ему полное право на значеніе знатока, помѣщалъ строки, вовсе неумѣстныя въ строго-научныхъ изслѣдованіяхъ: такія строки находимъ и въ объясненіяхъ Древностей Россійскаго государства и въ Описаніи оружейной палаты и др. Тѣмъ болѣе было возможности возводить разныя предположенія въ значеніе историческихъ истинъ въ изслѣдованіяхъ, касавшихся древности очень отдаленной, или вопросовъ темныхъ, каковы Первобытныя вѣрованія въ буддизмъ, Индо-Германы или Сайване, Аттила и Русь IV и V в., Днѣпровскіе пороги по Константину Порфирородному, Маги и Мидійскіе каганы XIII в. и нѣкоторыя другія меньшаго объема. И однако во всѣхъ историко-археологическихъ изслѣдованіяхъ своихъ Вельтманъ оставался вполнѣ совѣстливымъ научнымъ труженикомъ: никому не довѣряя, онъ изучалъ первоначальные источники, не только по печатнымъ изданіямъ, но и по рукописямъ, не жалѣлъ ни времени, ни труда для пріобрѣтенія всѣхъ знаній, какія могли быть нужны для правильнаго ихъ пониманія, заботился о возможно-полномъ сведеніи и объясненіи показаній, и при проницательности нерѣдко нападалъ на счастливыя мысли. Конечно, эти перлы иногда едва видны промежду домыслами ни чѣмъ не сдержаннаго воображенія; но отъ этого они сами по себѣ не теряютъ своей цѣнности. Во всякомъ случаѣ нельзя не дорожить даже и самыми домыслами его, какъ выраженіями научной дѣятельности человѣка, занимающагося наукой не по условіямъ званія, а по сознанію ея необходимости, по душевной потребности: если и условія званія не обязательны у насъ для совѣсти человѣка въ этомъ отношеніи, то какъ не уважать намъ памяти человѣка, постоянно всю жизнь свою домогавшагося расширять и освѣтлять научный кругозоръ по доброму влеченію своей воли».

Академикъ Срезневскій представилъ рукописный трудъ магистра Варшавской высшей школы г. Бодуэна де Куртне, исполненный по его предложенію и представленный въ историко-филологическій факультетъ С. Петербургскаго университета. Въ этомъ трудѣ разобрано по польско-латинскимъ грамотамъ древне-польское нарѣчіе. Чтобы проникнуть въ состояніе языка за то время, отъ котораго славянскихъ памятниковъ не осталось, необходимо обращаться къ латинскимъ сказаніямъ о нихъ иностранцевъ, особливо къ латинскимъ грамотамъ, къ нимъ относящимся, гдѣ находимъ имена лицъ и народовъ, названія разныхъ мѣстъ, рѣкъ, горъ и т. п., а иногда и нарицательныя слова и цѣлыя выраженія того или другаго славянскаго языка. Такой методъ для разработки историческихъ вопросовъ о славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно сѣверо-западныхъ, который нашъ академикъ давно употреблялъ на своихъ университетскихъ лекціяхъ и не разъ предлагалъ слушателямъ, нынѣ примѣненъ однимъ изъ нихъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Матеріалъ собранъ изъ огромнаго количества памятниковъ и разобранъ критически, а потомъ распредѣленъ на два главные отдѣла: въ одномъ представлены выводы съ доказательствами о древнемъ польскомъ выговорѣ и грамматическихъ особенностяхъ древняго польскаго нарѣчія; въ другомъ дано мѣсто словарю древне-польскаго нарѣчія. Г. Бодуэнъ обратилъ вниманіе между прочимъ и на особенности польскихъ мѣстныхъ говоровъ древняго времени, чтò для исторіи развитія нарѣчій необходимо и потому достойно особенной признательности: это исполнено г. Бодуэномъ по его собственной догадкѣ.

Окончивъ свое изслѣдованіе о времени происхожденія чешской былины о *Судѣ Любуши*, И. И. Срезневскій прочелъ отдѣлъ этого труда: о правѣ наслѣдованія. Посвящая часть своихъ университетскихъ чтеній критическому разсмотрѣнію памятниковъ славянской древности, г. Срезневскій остановился въ нынѣшнемъ академ. году между прочимъ на тѣхъ памятникахъ древней славянской словесности, которые важны для уразумѣнія быта и общественнаго устройства. Въ ряду ихъ нельзя было не обратить вниманія и на чешскую былину о судѣ Любуши, которою не разъ пользовались археологи-юристы какъ источникомъ, и которая однако доселѣ очень мало была разбираема критически, какъ источникъ. Представивъ своимъ слушателямъ главные выводы своихъ изслѣдованій съ нѣкоторыми изъ доказательствъ и подробностей, И. И. Срезневскій сдѣлалъ обширное разсмотрѣніе былины предметомъ особаго изложенія, ко-

торое по частямъ было читано въ засѣданіяхъ Филологическаго общества и 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Главные выводы, къ которымъ привели его изслѣдованія, таковы: 1) Палеографическое сравненіе Зеленогорскаго отрывка, въ которомъ сохранилась былина о судѣ Любуши, съ другими памятниками не позволяетъ никакого положительнаго заключенія о времени его написанія; 2) языкъ былины древній, но не представляетъ въ себѣ ничего, что можетъ мѣшать отнести его къ XI—XII вѣку; 3) нѣкоторыя слова и выраженія былины (какъ напр. desky pravdodatne, vypověd', nalez и др., указываютъ на время сближенія Чеховъ съ латино-германскимъ западомъ; 4) прозвища по владѣнію (какъ напр. Radovan ot Kamena Mosta—von Steinbrücke, Chrudoš od Otawy=von Otawa, и пр.) указываютъ на то же время; 5) представленіе права первородства въ наслѣдіи, какъ права нѣмецкаго, указывая на то же время, даетъ знать объ обычаяхъ феодальныхъ въ ихъ позднѣйшемъ развитіи. Всѣ частныя изслѣдованія и выводы приводятъ къ такому общему выводу: былина о судѣ Любуши не есть вѣрный голосъ того времени, о которомъ идетъ въ ней рѣчь, а гораздо болѣе позднее воспроизведеніе преданія, въ которомъ древній бытъ могъ быть описанъ только по произвольной догадкѣ слагателя

Ак. Гротъ доложилъ, что по поводу его статьи о словарѣ г. Даля получено имъ изъ Твери отъ А. К. Жизневскаго собраніе словъ, поговорокъ и т. п., записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и что онъ, воспользовавшись частью ихъ въ печатаемомъ уже приложеніи къ означенной статьѣ, препроводилъ остальныя съ согласія почтеннаго собирателя, В. И. Далю для соображенія при второмъ изданіи «Толковаго Словаря».

Онъ же довелъ до свѣдѣнія сочленовъ, что профессоръ славянскихъ языковъ при Копенгагенскомъ университетѣ г. Смитъ доставилъ ему свой датскій переводъ Несторовой лѣтописи, напечатанный въ прошломъ году съ обширными примѣчаніями, подъ заглавіемъ: «Nestors Russiske Krønike oversat og forklaret of C. W. Smith»*). Въ предисловіи г. Смитъ объясняетъ, что имѣлъ въ виду не однихъ ученыхъ, но вообще любителей исторіи въ Даніи, и потому старался придать своимъ примѣчаніямъ характеръ общепонятности, помѣщая въ нихъ между прочимъ и многое, что уже извѣстно спеціалистамъ. Его примѣчанія двоякаго рода: одни, необ-

*) Kjøbenhavn. 1869, въ 4-ку, VI и 370 стр. Къ книгѣ приложена родословная таблица князей.

ходимыя для пониманія текста, напечатаны подъ строкою; другія, относящіяся къ разнымъ вопросамъ и подробностямъ и составляющія критическій комментарій къ лѣтописи, собраны въ концѣ. Лѣтопись раздѣлена на отдѣлы или главы по Миклошичу, которымъ переводчикъ вообще много руководствовался. Особенную благодарность приноситъ онъ академику Кунику за его помощь, сожалѣя только, что поздно вошелъ съ нимъ въ сношенія и не пользовался его указаніями съ самаго начала своего труда. Послѣ довольно подробнаго вступленія, содержащаго въ себѣ обзоръ источниковъ древней русской исторіи, г. Смитъ исчисляетъ труды надъ лѣтописью и другія пособія, которыя были въ его рукахъ.

Какъ образчикъ критики г. Смита, были прочитаны слѣдующія два замѣчанія. По поводу исчисляемыхъ Несторомъ народовъ, живущихъ внѣ Руси, онъ говоритъ: «Когда Несторъ ставитъ Варяговъ рядомъ съ Свеями, Норманнами, Готами, Русью, то это лишь вслѣдствіе логической неточности: что онъ первыхъ считаетъ за главное понятіе, а остальныхъ за подчиненныя, ясно изъ главы XV (лѣто 6370). Пропускъ Датчанъ мы охотно ему прощаемъ; любезность, которую нѣкоторые русскіе ученые хотѣли оказать намъ, признавая Несторовыхъ Готовъ за Датчанъ, излишня: можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что различіе, дѣлаемое Несторомъ между Свеями и Готами, означаетъ только провинціальное раздѣленіе, еще и понынѣ существующее въ Швеціи. Разумѣетъ ли онъ подъ Агнянами Англичанъ или Англовъ (въ Голштиніи), въ этомъ можно сомнѣваться, если сравнить это мѣсто съ слѣдующимъ затѣмъ обозначеніемъ границы Варяговъ по сю сторону моря. Возможно также, что онъ, какъ полагаетъ г. Соловьевъ, Агнянами называетъ вмѣстѣ и Датчанъ и Англичанъ по той близкой связи, которая тогда или, вѣрнѣе, незадолго дотого имѣла мѣсто между Даніею и Англіею» (стр. 194).—Разсуждая о вопросѣ, кто были Волохи, вытѣснившіе Славянъ изъ ихъ придунайскихъ жилищъ, и принимая вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что это переселеніе произошло отъ вторженія Кельтовъ, въ 4-мъ вѣкѣ, въ Паннонію, г. Смитъ совершенно отвергаетъ мнѣніе, что причиною было завоеваніе Дакіи Римлянами при Траянѣ, и прибавляетъ: «Думать, будто покоренные или прогнанные Траяномъ Геты и Даки были Славянами, такъ же неосновательно, какъ предположеніе Іордана, что они были Готами. Я съ настоящимъ ужасомъ вижу», прибавляетъ онъ въ выноскѣ, «что Я. Гриммъ въ этомъ случаѣ становится на сторону Іордана (Geschichte der deutschen Sprache, стр. 176), но меня нѣ-

сколько успокоиваетъ то, что это предположеніе, совершенно противное свидѣтельству древнихъ писателей, основывается только на сходствѣ между именами Готы и Геты, и между дошедшими до насъ дакійскими словами неизвѣстнаго значенія и извѣстными нѣмецкими словами, а также на томъ обстоятельствѣ, что Данія на средневѣковой латыни называлась «Dacia», по-русски же отъ имени Даніи составлены прилагательное *датскій* и существительное *датчанинъ*. Въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ названіямъ г. Куникъ сообщаетъ (Bulletin de l'Ac. Imp. des Sc. de St.-Pbourg., т. VII, стр. 280), что древнѣйшія формы ихъ были: *Донь* и *доньскій* и что въ русскихъ актахъ слово *датскій* является не прежде, какъ въ концѣ 15-го столѣтія, а *датчанинъ* въ началѣ 16-го.... Не объясняется ли это всего проще тѣмъ, что русскіе князья, какъ и другіе европейскіе правители, въ 15-мъ вѣкѣ употребляли въ дипломатическихъ сношеніяхъ латинскій языкъ? На тогдашней латыни Данія обыкновенно называлась «Dacia». Это названіе могло бы быть принято Русскими точно такъ же, какъ позднѣе, при Петрѣ Великомъ, было принято имя *Данія*, служившее въ его время латинскимъ названіемъ этой страны и съ тѣхъ поръ оставшееся въ употребленіи, но слова «Dacia» не приняли, потому что не имѣли въ немъ надобности; ограничились тѣмъ, что образовали прилагательное *дацкій*, которое можетъ также писаться *датскій*, и стали писать: *дацкая* или *датская земля* по аналогіи съ *нѣмецкой землей* и т. п., а отсюда опять произвели существительное *Дачанинъ* или *Датчанинъ*» (стр. 197).

Апрѣль и май 1870 г.

Академикъ Срезневскій представилъ: 1) новый трудъ А. Е. Викторова, приложенный къ описанію первой половины собранія рукописей Ундольскаго, имъ самимъ составленному. Это — обозрѣніе всего собранія рукописей Ундольскаго, принадлежащаго теперь Московскому Публичному Музею. Оно составлено съ цѣлію ознакомить изслѣдователей со всѣми сколько-нибудь важными статьями, находящимися въ этихъ рукописяхъ и вмѣстѣ съ оставшимися въ рукописи трудами самого Ундольскаго. До выхода полнаго описанія рукописей Ундольскаго обозрѣніе г. Викторова будетъ необходимымъ пособіемь для всякаго, кто можетъ пользоваться Московскимъ Публичнымъ Музеемъ. 2) Полученныя отъ профессора Богишича изъ Одессы копіи съ двухъ латинскихъ грамотъ XII вѣка, списанныя имъ, по просьбѣ академика, въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ. 3) Присланную г. Макушевымъ статью

о Славянахъ Молизскаго графства въ южной Италіи, очень любопытную по новости сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній. Статью эту положено напечатать въ академическомъ изданіи.

Академикъ Гротъ доложилъ, что онъ, продолжая просматривать иностранные источники русской исторіи, обратилъ вниманіе на неизвѣстныя у насъ сочиненія нѣмецкаго автора Зейме (Seume) который въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, оканчивая курсъ ученія въ Лейпцигѣ, попалъ въ секретари къ графу Игельстрому и, живя у него въ Варшавѣ, былъ свидѣтелемъ польскаго возстанія въ 1794 г. Событіе это описано имъ въ его автобіографіи; кромѣ того онъ издалъ характеристику императрицы Екатерины II и два письма о началѣ царствованія Павла, которыя тогда же были переведены съ нѣмецкаго на многіе европейскіе языки, между прочимъ на датскій и шведскій; наконецъ, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, Зейме снова былъ въ Россіи и сообщилъ любопытныя о ней наблюденія въ описаніи своего путешествія по сѣверной Европѣ, изданномъ подъ заглавіемъ: «Mein Sommer» (мое лѣто). Онъ умеръ въ 1810 году. Сочиненія его, перепечатанныя въ Висбаденѣ, отличаются оригинальностью и вѣрностью замѣчаній о томъ, что онъ на своемъ вѣку пережилъ.

Я. К. Гротомъ читаны также замѣтки его о помѣщенныхъ недавно въ *Русскомъ Архивѣ* письмахъ: 1) преосвященнаго Евгенія Болховитинова къ воронежскому его пріятелю В. И. Македонцу, и 2) Н. И. Зиновьева къ сыну. Замѣтки эти будутъ напечатаны.

Имъ же доложено о переданной академикомъ Куникомъ рукописи изслѣдованій г. Будиловича надъ сочиненіями Ломоносова, съ предложеніемъ не будетъ ли признано полезнымъ напечатать эти новые матеріалы для оцѣнки учено-литературной дѣятельности знаменитаго писателя. По разсмотрѣніи этого труда сперва академикомъ Бычковымъ, а потомъ и другими членами Отдѣленія, положено дать ему мѣсто въ *Сборникѣ*.

Академикъ Пекарскій читалъ біографическую статью о Тредіаковскомъ, которая должна войти въ 2-ю часть исторіи Академіи Наукъ и уже окончательно приготовлена къ печати. Для этого труда П. П. Пекарскій воспользовался, кромѣ извѣстныхъ печатныхъ матеріаловъ значительнымъ количествомъ рукописныхъ прошеній и доношеній Тредіаковскаго въ академическую канцелярію, а также и нѣсколькими новыми письмами его къ разнымъ лицамъ.

Августъ, сентябрь и октябрь 1870.

Въ августѣ мѣсяцѣ вышли изъ печати слѣдующіе труды Отдѣленія: 1) VII-й томъ Сборника; 2) III-й томъ общедоступнаго изданія сочиненій Державина, которымъ заканчивается полное собраніе его стихотвореній и 3) Бѣлорусскій Словарь г. Носовича, напечатанный подъ надзоромъ академиковъ Бычкова и частью Срезневскаго. Положено выпустить эти изданія въ продажу.

Академикъ Срезневскій читалъ составленную имъ, по поводу присутствія на гимназическомъ экзаменѣ, записку о требованіяхъ при преподаваніи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка и словесности. Статья эта будетъ напечатана.

Онъ же читалъ вступленіе къ своему изслѣдованію, на основаміи источниковъ, о постепенномъ образованіи составныхъ частей древней греческой Кормчей книги; потомъ приступилъ къ чтенію описанія древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги, расположивъ его въ повременномъ порядкѣ написанія. Первое мѣсто дано Ефремовской Кормчей, заключающей въ себѣ, при Фотіевскомъ (но не Фотіевомъ) указателѣ каноновъ, въ XIV титлахъ, собраніе каноновъ соборовъ, отцовъ церкви и нѣкоторыя изъ императорскихъ постановленій и добавочныхъ статей. Сравнивъ эту рукопись съ другими памятниками по почерку и правописанію, академикъ пришелъ къ заключенію, что она писана въ XI—XII вѣкѣ, и что едва ли можно указать въ ней какіе-нибудь частные признаки письма, не находящіеся въ памятникахъ XI-го столѣтія. По содержанію и отношенію къ спискамъ болѣе позднимъ, она очень важна для изслѣдователя древнихъ переводовъ частей Кормчей книги.

Продолжая этотъ трудъ, И. И. Срезневскій читалъ разсмотрѣніе Устюжской Кормчей XIII вѣка, отличающейся отъ другихъ особенно тѣмъ, что въ ней помѣщено собраніе каноновъ Іоанна Схоластика. Признаки письма не позволяютъ сомнѣваться, что это памятникъ XIII столѣтія. Описки писца, явныя и сами по себѣ и по сравненію съ другимъ болѣе позднимъ спискомъ Кормчей совершенно такого же состава, приводятъ къ заключенію, что первообразъ этого рода Кормчей былъ написанъ внимательнѣе и что вообще списковъ ея было нѣсколько. По составу своему впрочемъ она не такова, чтобы ее можно было считать собраніемъ общеважнымъ, задуманнымъ. Это—случайный, частный подборъ того, что могло показаться важнымъ для дополненія собранія Іоанна Схола-

стика. Многое въ ней должно быть сравнено въ Ефремовской Кормчей XI — XII в.: не только въ дополненіяхъ къ собранію Іоанна Схоластика, но и въ самомъ этомъ собраніи находимъ очень много дословныхъ выписокъ изъ Кормчей, подобной Ефремовской. Это служитъ доказательствомъ, что по своему происхожденію она позднѣе Кормчей, сохранившейся въ Ефремовскомъ спискѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ академикъ Срезневскій прочелъ описаніе Греческой Иверской Кормчей IX—X вѣка, основанной на собраніи Іоанна Схоластика, важной по правильности и полнотѣ состава и по нѣкоторымъ статьямъ, остававшимся доселѣ не замѣченными.

Академикъ Гротъ, обративъ вниманіе сочленовъ на появившійся недавно въ Воронежѣ 2-й выпускъ «Переписки митрополита Евгенія съ графомъ Румянцовымъ», прочелъ разборъ этого изданія, вошедшій въ составъ статьи его «Изъ поѣздки въ Воронежъ», которая теперь уже напечатана. Въ этой статьѣ указано также на нѣкоторыя другія произведенія мѣстной печати, въ особенности же на «Филологическія Записки», уже 7 лѣтъ издаваемыя А. А. Хованскимъ, и на историко-статистическіе труды Г. М. Веселовскаго о Воронежѣ и Острогожскимъ уѣздѣ, причемъ изъ описанія губернскаго города приведено нѣсколько отрывковъ и выражено желаніе, чтобы тамошній статистическій комитетъ, при пособіи котораго выполнены эти два труда, оказалъ свое содѣйствіе къ продолженію задуманнаго г. Веселовскимъ описанія всѣхъ уѣздовъ Воронежской губерніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Я. К. Гротъ доложилъ, что въ проѣздъ черезъ Москву онъ разсматривалъ остающееся еще у В. С. Корсакова собраніе бумагъ Державина. Между прочимъ замѣчательны тутъ цѣлые десятки переплетенныхъ тетрадей, содержащихъ въ себѣ рукописи и брошюры, которыя подносились знаменитому поэту авторами и переводчиками. На многихъ изъ этихъ приношеній есть болѣе или менѣе любопытныя замѣтки и приписки его. Всѣ эти тетради составили бы не лишенное интереса пріобрѣтеніе для каждой библіотеки; нѣкоторыя представляютъ и важныя дополненія къ матеріаламъ для изданія трудовъ Державина и біографіи его. Поэтому академикъ, съ позволенія просвѣщеннаго владѣльца, отобралъ тѣ изъ нихъ, изъ которыхъ можно сдѣлать полезныя заимствованія, напр. извлечь нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ писемъ С. Н. Глинки и одно Евгенія Болховитинова, также цѣлый рядъ писемъ одного изъ любимцевъ Императора Павла, генералъ-прокурора Обольянинова, писанныхъ къ Державину

въ 1800 году, во время командировки его въ Бѣлоруссію для изслѣдованія причинъ бывшаго тамъ голода.

Къ числу новыхъ пріобрѣтеній для того же академическаго изданія относятся недавно полученныя еще отъ Н. Н. Мурзакевича изъ Одессы письма Василья Степановича Попова къ Державину и копія съ мнѣнія, поданнаго послѣднимъ въ Сенатъ по поводу извѣстнаго предложенія графа Потоцкаго о дворянствѣ. Положено выразить гг. Корсакову и Мурзакевичу за эти обязательныя сообщенія искреннюю благодарность Отдѣленія.

Что касается самаго хода названнаго изданія, то академикъ Гротъ доложилъ, что, окончивъ печатаніе обширной корреспонденціи, продолжавшейся до послѣднихъ дней жизни поэта, онъ предпринялъ печатаніе его *Записокъ* по подлинной рукописи. При этомъ прочитано было и заготовленное къ Запискамъ Державина предисловіе, изъ котораго видны между прочимъ слѣдующія донынѣ неизвѣстныя обстоятельства. Къ очерку своей автобіографіи поэтъ въ первый разъ приступилъ въ 1805 году по вызову митрополита Евгенія, которому и была сообщена рукопись этого очерка. Евгеній, воспользовавшись ею для своего словаря писателей, сообщалъ ее впослѣдствіи Остолопову и Анастасевичу. Остолоповъ, списавъ эту тетрадь, издалъ ее съ разными перемѣнами и сокращеніями, подъ заглавіемъ *Ключъ къ сочиненіямъ Державина;* Анастасевичъ же своею рукой снялъ съ подлинной рукописи точнѣйшую копію, которая сохранилась и въ недавнее время досталась А. Д. Ивановскому, а имъ передана Я. К. Гроту. Такимъ образомъ представляется возможность кое-гдѣ дополнить любопытными данными позднѣе составленныя поэтомъ *Записки* и *Объясненія*. Записки Державина уже были напечатаны 11 лѣтъ тому назадъ въ *Русской Бесѣдѣ*, но по неразборчивости почерка Державина въ тогдашній текстъ вкрались неизбѣжныя при 1-мъ изданіи невѣрности, которыя теперь должны быть устранены. Кромѣ того академическое изданіе Записокъ будетъ обогащено многими документами и другими приложеніями, а также новыми примѣчаніями и ссылками на переписку Державина. При этомъ будутъ сохранены, съ согласія П. И. Бартенева, и нѣкоторыя изъ примѣчаній, которыми онъ пояснилъ Записки въ первомъ ихъ изданіи.

Академикъ Пекарскій представилъ напечатанный подъ его наблюденіемъ 7-й томъ составляемой братьями Ламбиными *Исторической Библіографіи*. Настоящій томъ обнимаетъ 1861-й годъ. Печатаніе перваго тома труда П. П. Пекарскаго по исторіи Ака-

деміи Наукъ быстро подвигается и еще въ нынѣшнемъ году будетъ окончено.

А. Ѳ. Бычковъ довелъ до свѣдѣнія сочленовъ, что имъ полученъ, при письмѣ священника Бѣлина, списокъ мѣстныхъ словъ Владимірской губерніи; по желанію Отдѣленія, академикъ принялъ на себя трудъ разсмотрѣть эти слова и доставить свой о нихъ отзывъ. Вслѣдъ за тѣмъ присланъ въ Отдѣленіе штатнымъ смотрителемъ Валдайскихъ училищъ Пардолоцкимъ такой же списокъ мѣстныхъ словъ Новгородской губерніи, который также переданъ на заключеніе А. Ѳ. Бычкову.

Академикъ Срезневскій представилъ продолженіе розысканій, сдѣланныхъ г. Макушевымъ въ архивахъ Италіи относительно исторіи Славянъ. Положено напечатать этотъ трудъ въ академическомъ изданіи.

Онъ же заявилъ о полученной имъ отъ М. А. Веневитинова части выписокъ изъ бумагъ Евгенія, относящихся къ Востокову, важныхъ для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ переписки знаменитаго филолога. Г. Веневитиновъ выразилъ обязательную готовность доставить въ непродолжительномъ времени и другую часть выписокъ.

Высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ Московскимъ доставлены, при отношеніи къ его сіятельству г. президенту Академіи Наукъ, снятые корреспондентомъ Отдѣленія архимандритомъ Амфилохіемъ въ Даниловомъ монастырѣ 23 снимка съ надгробныхъ памятниковъ, которые, по опредѣленію Отдѣленія, переданы на разсмотрѣніе И. И. Срезневскому.

Академикъ Гротъ доложилъ, что по поводу учрежденія въ Москвѣ желѣзно-дорожнаго училища, названнаго *Дельвигскимъ*, онъ усомнился, не правильнѣе ли была бы форма *Дельвиговское*, и потому пересмотрѣлъ законы образованія прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ. Прочитанная имъ по этому предмету записка содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее:

Отъ собственныхъ именъ прилагательныя образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *Петр-ов-скій*, *Алексѣ-ев-скій*, *Марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *Клин-скій*, *Твер-ской*, *Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощью двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному,— при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *шекспировскій*, *гомеровскій* *байроновскій* (на этомъ основаніи слѣдуетъ писать: *Аннинскій*, а не

Анненскій). Напротивъ, отъ мѣстно-относительныхъ именъ прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *Петербургскій*, *Невскій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов*, напр. *Владимір-скій*, *Гофман-скій*, *Софій-скій*; и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *ин* вставляется, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Торжк-ов-скій*, *Балахн-ин-скій*, *Бугульм-ин-скій* (на этомъ основаніи слѣдуетъ писать *Пензинскій*, а не *Пензенскій*). Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій. Тѣмъ не менѣе оказывается, что образованіе прилагат. имени *Дельвигскій* не противно законамъ образованія языка, хотя и можетъ быть причислено къ разряду исключеній. Записка Я. К. Грота будетъ напечатана.

Ноябрь и декабрь 1870 года.

Читано письмо М. А. Языкова изъ Калуги съ изъявленіемъ благодарности за изданія Отдѣленія, высланныя для тамошней публичной библіотеки, причемъ г. Языковъ сообщаетъ благопріятные результаты учрежденія этой библіотеки за первые 8-мь мѣсяцевъ ея существованія, въ которые доходу получено съ пользующихся оною около 600 рублей, тогда какъ годовыя издержки на ея содержаніе также не превышаютъ этой суммы. Опредѣлено: выразивъ г. Языкову участіе, принимаемое Отдѣленіемъ въ столь успѣшномъ ходѣ общественнаго предпріятія, выслать въ Калужскую публичную библіотеку вновь вышедшія изданія Отдѣленія.

Академикъ Срезневскій читалъ продолженіе разбора древнихъ русскихъ Кормчихъ: 1) Рязанской кормчей 1284 г. и другихъ одинаковаго съ него состава. Судя по записи, находящейся при одномъ изъ списковъ, митрополитъ Кириллъ получилъ Кормчую изъ Болгаріи именно въ этомъ видѣ. Древнѣйшій изъ списковъ, доселѣ уцѣлѣвшихъ, есть сербскій 1262. Есть и болгарскіе списки и русскіе, списанные съ болгарскихъ, но не древніе. Кормчая этого состава отличается сокращеннымъ изложеніемъ многихъ каноновъ и приложеніемъ къ нимъ толкованій Зонары, Аристина и др. Все это даетъ право заключать, что славянскій переводъ этой Кормчей сдѣланъ не ранѣе второй половины XII в. и можетъ-быть при участіи кого-нибудь изъ Сербовъ, такъ какъ въ переводѣ встрѣчаются слова, употреблявшіяся и доселѣ употребляемыя въ сербскомъ языкѣ. Видна впрочемъ кое-гдѣ и помощь болѣе древняго перевода, именно

того, который извѣстенъ по Ефремовскому списку. При семъ И. И. Срезневскій заявилъ, что онъ получилъ отъ члена-корреспондента Академіи В. Ягича описаніе Кормчей 1262 г. и предполагаетъ его напечатать отдѣльно съ своими подстрочными примѣчаніями. — 2) Новгородской Кормчей 1280-хъ годовъ и съ нею одинакихъ, Варсонофіевской, Чудовской и др. Этотъ разрядъ Кормчихъ, представляя въ себѣ сокращенное изложеніе многихъ каноновъ такое же, какъ въ Рязанской Кормчей, и такія же толкованія представляетъ многіе каноны въ ихъ полномъ видѣ, въ такомъ точно, какъ и Ефремовская Кормчая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такія статьи, какихъ нѣтъ ни въ той, ни въ другой, и между прочимъ статьи русскія. Эти послѣднія статьи даютъ право заключать, что въ составленіи этой Кормчей принимали участіе русскіе люди; но не отстраняютъ впрочемъ вопроса: не была ли такого состава Кормчая доставлена въ Русь уже готовая, такъ что русскіе только прибавили къ ней еще нѣсколько статей и между прочимъ русскія. Болѣе поздніе списки Кормчей, болѣе или менѣе сходные по составу съ Рязанскою и съ Новгородскою, даютъ нѣсколько данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько указаній на попытки видоизмѣнять составъ Кормчей.

П. П. Пекарскій доложилъ слѣдующее. Въ мартѣ 1870 г. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ обращался къ Государственному Канцлеру съ выраженіемъ желанія видѣть изданными въ свѣтъ бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ. Князь А. М. Горчаковъ изъявитъ полную готовность къ осуществленію желанія Его Императорскаго Высочества, при чемъ указалъ на дѣлопроизводителя Государственнаго Архива, академика Пекарскаго, который привелъ въ порядокъ и описалъ означенныя бумаги Государыни, какъ на лицо, которое могло бы заняться приготовленіемъ ихъ къ изданію въ свѣтъ. По испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія, г. Пекарскій немедленно приступилъ къ этой работѣ, и въ настоящее время имъ окончательно приготовлены къ печати и объяснены примѣчаніями бумаги, касающіяся Екатерины II или писанныя ею въ ту эпоху, когда она была княжною Ангальтъ-Цербстскою, потомъ Великою Княгинею и наконецъ Императрицею въ первые годы ея царствованія. Къ печатанію этихъ матеріаловъ, имѣющихъ войти въ первый томъ бумагъ Государыни, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, будетъ приступлено въ началѣ будущаго года, послѣ перевода на русскій языкъ матеріа-

ловъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ,—единственная работа, неисполненная нынѣ по изданію, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь.

Академикомъ Срезневскимъ получены: 1) отъ г. Веневитинова любопытное продолженіе выписокъ изъ переписки Евгенія, которыми онъ съ признательностью и воспользовался въ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Востокова; 2) первая книга издаваемаго Болгарскимъ книжнымъ (т. е. литературнымъ) обществомъ «Періодическаго списанія»: она подаетъ надежду, что это собраніе трудовъ новаго Общества выкажетъ силы болгарскихъ писателей съ хорошей стороны; 3) отъ К. Н. Бестужева тетрадь изъ бумагъ Анастасевича, въ которой списаны замѣтки, переписанныя съ печатной Кормчей 1787 года митрополитомъ Евгеніемъ и, какъ отмѣчено, барономъ Розенкампфомъ. Въ Кіевской Духовной Консисторіи хранится экземпляръ печатной Кормчей 1787 г. съ многими замѣтками митрополита Евгенія, но его одного, и несравненно болѣе чѣмъ отмѣчено въ тетради Анастасевича; эти замѣтки доказываютъ, съ какимъ усердіемъ занимался митрополитъ Евгеній Кормчею книгой, какъ памятникомъ древней русской письменности; и 4) отъ архимандрита Леонида, настоятеля Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря: а) извлеченіе изъ Зографскаго Трефологія XII — XIII в., изъ котораго нѣсколько выписокъ къ матеріаламъ преосвященнаго Порфирія вошли въ сборникъ памятниковъ юсоваго письма; б) мнѣніе о. Леонида о томъ, какъ должно понимать выраженіе «искоуролоцѣ-искуроловицѣ», находящееся въ записи Упыря Лихого 1047 г. Архимандритъ Леонидъ думаетъ, что надобно читать «искоурѣицѣ».

Тотъ же академикъ заявилъ: 1) что чешская литература и наука понесли тяжкую утрату: 9 ноября 1870 г. скончался въ Прагѣ Я. И. Ербенъ на 60-му году отъ рожденія. За его научныя заслуги Академія пріобщила его къ числу своихъ членовъ-корреспондентовъ, и имѣла отъ него замѣчательные плоды. Изъ его трудовъ по русской древности наиболѣе замѣчательны: переводъ и объясненіе повѣсти временныхъ лѣтъ (Несторовой лѣтописи) и Слова о Полку Игоря.

Академикъ Бычковъ доложилъ, что, по порученію ученаго комитета главнаго штаба, онъ приготовилъ къ изданію томъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра Великаго, который выйдетъ въ скоромъ времени въ свѣтъ. Въ этомъ томѣ находится нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ, которыми еще не пользовались историки нашего великаго Преобразователя.

Академикъ Гротъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ получилъ изъ Твери, отъ управляющаго тамошнею казенною палатой А. К. Жизневскаго, въ даръ старинную рукопись при письмѣ, въ которомъ между прочимъ объяснено, что рукопись эта досталась г. Жизневскому отъ помѣщика Н. П. Милюкова. На переплетѣ означено заглавіе «Хроника». Она начата въ 1696 году и кончается вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны.

«По бѣглому обзору», пишетъ г. Жизневскій, «рукопись представляется сборникомъ преимущественно историческаго содержанія, на русско-церковномъ языкѣ; начинается она космографіею, потомъ идутъ описанія военныхъ походовъ русскихъ Царей и Петра Великаго, царствованія Царей и первыхъ Императоровъ; помѣщено нѣсколько Высочайшихъ манифестовъ и указовъ, а также нѣсколько житій Святыхъ (изъ Кіевской Минеи). Составитель этого сборника скрылъ свое имя: по повидимому онъ былъ недоучившійся риторъ, дѣлавшій грубыя ошибки въ приводимыхъ имъ афоризмахъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Вообще сборникъ этотъ отличается риторическимъ многословіемъ, затрудняющимъ опредѣлить, насколько онъ содержитъ въ себѣ что-либо новое въ историческомъ или филологическомъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаемое въ этой рукописи, или быть можетъ семейномъ сборникѣ, употребленіе латинской азбуки, вмѣсто кириллицы, заслуживаетъ того, чтобы обратить на это особое вниманіе, въ томъ предположеніи, не указываетъ ли этотъ случай на проявлявшіяся въ тогдашней грамотной средѣ попытки ввести латинскій алфавитъ вмѣсто церковной азбуки».

Январь и февраль 1871 года.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что архимандритъ Леонидъ, въ дополненіе къ прежде доставленному извлеченію (календарнаго содержанія) изъ Зографской рукописи XII—XIII вѣковъ (Трефологія), обязательно сообщилъ извлеченіе изъ своихъ записокъ, касающееся этой книги юсоваго письма, и фотографическій снимокъ.

Академикъ Гротъ доложилъ, что имъ получено отъ профессора гельсингфорскаго Александровскаго университета Альквиста только что изданное на шведскомъ языкѣ сочиненіе: «De Vestfinska Språkens kulturord ett linguistiskt bidrag till Finnarnes äldre kulturhistoria» (т. е. Культурныя слова западно-финскихъ языковъ, лингвистическій матеріалъ для исторіи древняго образованія финновъ). Это изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) скотовод-

ство; 2) земледѣліе; 3) ремесла и промыслы; 4) жилища, домашняя утварь, одежда; 5) мореплаваніе, торговля и проч.; 6) общее заключеніе. Я. К. Гротъ присовокупилъ, что по ближайшемъ ознакомленіи съ этою любопытною книгою онъ намѣренъ возвратиться къ ней.

Академикъ Пекарскій читалъ начало составляемой имъ біографіи Ломоносова, которая войдетъ во 2-й томъ Исторіи Академіи. Критическое разсмотрѣніе прежнихъ источниковъ и новые матеріалы дали автору возможность исправить нѣкоторыя изъ бывшихъ до сихъ поръ въ ходу свѣдѣній и дополнить ихъ неизвѣстными доселѣ данными. При этомъ онъ представилъ полученные имъ, по его просьбѣ, отъ архангельскаго статистическаго комитета документы съ собственноручными подписями Ломоносова, когда ему было не болѣе 15-ти лѣтъ отъ роду, и отца его Василья Дороѳеича. Съ той страницы, на которой находится подпись 15-ти лѣтняго Ломоносова, будетъ сдѣланъ снимокъ для приложенія къ его біографіи.

Читано полученное академикомъ Гротомъ изъ Спасска, Казанской губерніи, отъ Н. Н. Галкина-Врасскаго письмо съ приложеніемъ въ копіяхъ нѣсколькихъ писемъ къ дѣду его отъ Державина и современнаго списка сатирическихъ стиховъ «Бостонъ», сочиненныхъ въ 1804 году неизвѣстнымъ авторомъ противъ главныхъ лицъ тогдашней администраціи. Письма и стихи будутъ напечатаны въ изданіи Державина. Положено выразить почтенному доставителю искреннѣйшую признательность Отдѣленія.

И. И. Срезневскій представилъ описаніе списковъ Кормчихъ Кириллова монастыря и новгородскаго Софійскаго собора. По своему общему составу и по содержанію статей они принадлежатъ большею частію къ тому разряду, котораго древнѣйшій списокъ есть новгородскій 1280-хъ годовъ, но въ нѣкоторыхъ есть прибавки изъ Кормчей того разряда, къ которому принадлежатъ рязанскій списокъ 1284 года и сербскіе XIII и XIV вѣка. Онъ же читалъ дополненіе къ составленному имъ описанію греческой Иверской Кормчей IX — X вѣка.

П. П. Пекарскій внесъ составленную братьями Ламбиными и имъ просмотрѣнную рукопись «Исторической библіографіи» за 1862 годъ, на напечатаніе которой и положено испросить разрѣшеніе Общаго Собранія.

Онъ же прочелъ полученное имъ изъ Рима письмо г. Штендмана касательно рукописи Серба Крижанича, хранящейся тамъ въ Коссанатовой библіотекѣ. Принято къ свѣдѣнію.

Доложено письмо И. И. Носовича, при которомъ онъ препроводилъ въ Отдѣленіе, въ видѣ дополненія къ недавно изданному Бѣлорусскому Словарю, списокъ болѣе 400 словъ, заимствованныхъ изъ составленнаго имъ же рукописнаго собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ. Опредѣлено напечатать это прибавленіе къ Словарю.

Мартъ и апрѣль 1871 года.

Академикъ Пекарскій прочелъ предисловіе, составленное имъ къ приготовленному къ печати 1-му тому собранія бумагъ императрицы Екатерины, издаваемыхъ по распоряженію историческаго Общества. Принято къ свѣдѣнію.

Академикъ Гротъ сообщилъ извлеченіе изъ полученныхъ имъ на просмотръ отъ И. А. Чистовича подлинныхъ бумагъ, относящихся къ путешествію, при Екатеринѣ II, Алексѣя Григорьевича Бобринскаго и другихъ вышедшихъ изъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса молодыхъ людей. Въ 1782 году Бецкій, по уставу этого заведенія, отправилъ путешествовать четырехъ офицеровъ гвардіи: Бобринскаго, Болотникова, Свѣчина и Борисова, подъ руководствомъ полковника Бушуева и академика Озерецковскаго. До сихъ поръ извѣстны были только: инструкція Бецкаго названнымъ питомцамъ корпуса, передъ ихъ отъѣздомъ, и его же циркуляръ, по этому случаю, къ губернаторамъ *). Теперь присоединились къ тому еще слѣдующіе документы: 1) письмо Бобринскаго къ Бецкому изъ Кіева, отъ 26-го іюня 1783, объ окончаніи этими молодыми людьми путешествія по Россіи и намѣреніи ихъ ѣхать за границу, но уже безъ Озерецковскаго, который возвращался въ Петербургъ; 2) письмо Бушуева изъ Марсели, отъ 20-го декабря 1784 г., о прибытіи туда изъ Ліона черезъ Авиньйонъ и отъѣздѣ въ дальнѣйшій путь; 3) планъ путешествія, писанный по-французски какимъ-то французомъ: путешественники долго были въ Вѣнѣ, потомъ ѣздили въ Венецію, Тоскану и Римъ; во второй половинѣ 1784 г. они должны были ознакомиться съ Италіей, Швейцаріей и потомъ съ Франціей; оттуда въ октябрѣ ѣхать въ Испанію, Португалію, а въ началѣ 1785 г. опять во Францію и по западной ея части черезъ Кале въ Дувръ, Лондонъ, Эдинбургъ и Валлисъ; далѣе, въ Голландію и австрійскіе Нидерланды: изъ Брюсселя въ Парижъ (мѣсяца на три); наконецъ, черезъ Страсбургъ, Франкфуртъ и Дрезденъ въ Берлинъ, Брауншвейгъ, Гамбургъ,

*) *Чт. общ. ист. и др.* 1864, кн IV, и «Р. Арх.» 1865 г., стр. 951.

Копенгагенъ, Стокгольмъ и Петербургъ (къ 1-му октября 1786 г.); 4) докладная записка Бецкаго, изъ которой видно, что въ мартѣ 1785 года рѣшено было воротить немедленно путешественниковъ въ Петербургъ, причемъ однакожъ Бобринскому предоставлялась свобода ѣхать, если онъ пожелаетъ, въ Швейцарію и предлагалось прислать ему въ спутники кого онъ назначитъ, если сочтетъ это нужнымъ; и 5) записка руки Бецкаго же о принадлежавшемъ Бобринскому капиталѣ, который въ то время простирался до 585,342 р. 99 коп. Съ боку этой записки собственноручная надпись императрицы: «те деньги кои требуетъ Соимановъ и коихъ ему отдать слѣдуетъ мы не почитаемъ принадлежностію господину Бобринскому». Главные изъ этихъ документовъ будутъ вполнѣ напечатаны.

Академикъ Срезневскій заявилъ: 1) что для него, по обязательному распоряженію доктора Ягича, списана часть сербской Кормчей 1262 года, заключающая въ себѣ градскій законъ (πρόχηρος νόμως). Изъ всѣхъ подобныхъ памятниковъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, особенно изъ переведенныхъ послѣ XI-го вѣка, это самый важный по разнообразію содержанія, а слѣдовательно и по обилію матеріала для сравненія съ такими же славянскими памятниками и по обилію юридическихъ терминовъ; 2) что отъ доктора Даничича полученъ новый, очень хорошій фотографическій снимокъ съ глаголической написи на камнѣ, найденномъ на о. Веліи; по имени Звонимира, эта напись можетъ быть относима къ глубокой древности и потому достойна особеннаго вниманія.

Академикъ Пекарскій представилъ окончательно-приготовленныя имъ къ печати біографію К. И. Арсеньева и собраніе оставшихся послѣ покойнаго историческихъ матеріаловъ, для изданія ихъ вмѣстѣ съ біографіей. Вслѣдъ затѣмъ, г. президентъ Академіи Наукъ, по представленію Отдѣленія, препроводилъ означенные матеріалы къ государственному канцлеру, съ покорнѣйшей просьбой приказать свѣрить ихъ съ хранящимися въ государственномъ архивѣ подлинниками, о чемъ по министерству иностранныхъ дѣлъ уже и сдѣлано распоряженіе. По возвращеніи матеріаловъ, будетъ приступлено къ изданію ихъ въ свѣтъ.

И. И. Срезневскій обратилъ вниманіе сочленовъ: 1) на новый трудъ по исторіи русской словесности—на книгу профессора Порфирьева, которая, судя по 1-й, нынѣ вышедшей, части, должна занять мѣсто въ очень небольшомъ ряду подробныхъ историческихъ обозрѣній русской словесности, предпринятыхъ съ мыслію вос-

пользоваться не только работами другихъ, но и непосредственно самими источниками. Ограничась въ 1-й части временемъ до Петра В., составитель далъ въ ней мѣсто и народной, и книжной словесности. Въ обозрѣніи народной словесности онъ пользовался работами изслѣдователей и любителей, извлекая изъ ихъ домысловъ и выводовъ то, что ему казалось болѣе цѣннымъ и болѣе подходящимъ къ общему строю понятій, имъ для себя выработанныхъ, только кое гдѣ дополняя чужія догадки своими собственными. Въ обозрѣніи книжной словесности, по вѣкамъ, онъ былъ болѣе самостоятеленъ и въ подробностяхъ изложенія, и въ обрисовкѣ писателей и ихъ произведеній, и въ объясненіяхъ значенія и послѣдовательности явленій, и въ общей приготовленности къ работѣ, и въ оцѣнкѣ трудовъ, которыми пользовался. По многимъ предметамъ, его пособія были почти въ уровень съ работами изслѣдователей, а если по другимъ не было у него подъ рукою всего, что было бы нужно имѣть, то этому причина лежитъ въ составѣ казанскихъ библіотекъ, которыми онъ пользовался, работая въ Казани; 2) на трудъ г. Потебни «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи». Заключая въ себѣ дополненія и поправки къ прежде изданному изслѣдованію о звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій, это новое изслѣдованіе представляетъ очень подробное разсмотрѣніе характеристическихъ чертъ малорусскаго выговора и употребленія звуковъ, насколько возможно, историческое, начиная съ XII—XIII вѣковъ, и вмѣстѣ сравнительное. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ своего рода; 3) на изданную недавно «Перечневую опись рукописнаго Отдѣленія виленской публичной библіотеки», составленную П. Гильтебрандтомъ. Въ напечатанномъ выпускѣ заключается описаніе 82-хъ рукописныхъ книгъ и 75-ти пергаменныхъ листовъ грамотъ и различныхъ записей и выписей. Описанія вообще всѣ очень обстоятельны, а болѣе важныхъ памятниковъ— подробны. Къ нимъ приложены: 1) нѣсколько любопытныхъ выписокъ; 2) подробные указатели лицъ и мѣстъ, упомянутыхъ въ книгѣ, съ нужными объясненіями, и 3) сборникъ словъ и рѣченій также съ объясненіями, нужными не только для словаря, но и для изученія старины. Это описаніе должно стать въ ряду тѣхъ археологическихъ изданій, которыя задуманы и исполнены со стараніемъ и умѣніемъ, и которыми должны дорожить изслѣдователи.

Академикъ Гротъ внесъ присланный С. И. Пономаревымъ изъ Кіева экземпляръ труда его: «Библіографія литературы о сочиненіяхъ Ломоносова», напечатаннаго Отдѣленіемъ нѣсколько лѣтъ

тому назадъ въ небольшомъ числѣ оттисковъ, а нынѣ значительно исправленнаго и дополненнаго рукописными вставками г. Пономарева. Такъ какъ къ этому труду въ свое время были доставлены разныя замѣтки и другими лицами, которымъ онъ сообщаемъ былъ Отдѣленіемъ, то для вторичнаго изданія «Библіографіи» со всѣми этими дополненіями, доставленный экземпляръ переданъ П. П. Пекарскому съ просьбою просмотрѣть его и возвратить съ своими замѣчаніями.

Академикъ Пекарскій доложилъ, что А. В. Никитенко предоставилъ въ его распоряженіе для составляемаго имъ жизнеописанія Ломоносова: 1) доставленную въ 1865 году бывшимъ директоромъ училищъ Архангельской губерніи, г. Смольяномъ, родословную потомства родной сестры знаменитаго писателя, Маріи Васильевны Головиной; 2) копію съ письма Ахвердова къ князю Куракину объ освобожденіи отъ рекрутства потомства этой Головиной; 3) списокъ съ высочайшаго указа о томъ, и 4) списокъ распоряженія директора экономіи Захарьина о неотдачѣ въ рекруты дѣтей мужа сестры Ломоносова, Евсѣя Головина, 1791 года.

Академикъ Срезневскій читалъ составленную имъ записку касательно изслѣдованія П. А. Лавровскаго о старо-русскомъ тайномъ писаніи. Обозначивъ важность этого труда, онъ представилъ нѣкоторыя замѣчанія о древности такъ-называемой тарабарской грамоты и о происхожденіи и системѣ той грамоты, которой употребленіе видно въ нѣсколькихъ сербскихъ рукописяхъ, и въ которой *а* принимается за *ѳ* и *ѳ* за *а*. Древность тарабарскаго письма по нашимъ рукописямъ несомнѣнно отнесена быть можетъ не позже, какъ къ XIII вѣку. Сербская тайнопись есть греческая, встрѣчающаяся въ греческихъ рукописяхъ X вѣка и позднѣйшихъ, и представляющая такое же замѣненіе буквъ, какъ и тарабарщина, только съ раздѣленіемъ азбуки на три части, такъ что въ каждой изъ частей буквы замѣняются одна другою. Далѣе И. И. Срезневскій остановился на написи сторожевскаго колокола, отлитаго въ 1667 г. по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, и представилъ при этомъ снимки съ написи, между прочимъ и сдѣланный имъ самимъ. «Тайныя письмена», говоритъ онъ, «занимающія въ написи на этомъ колоколѣ три строки, срисованы были еще въ царствованіе Екатерины II и тогда же изданы въ «Russische Bibliotek», 1784 г.; позже сняты они были и напечатаны Калайдовичемъ; толкованіемъ этихъ письменъ занимались Скуридинъ, князь Лопухинъ и Ермолаевъ. Сомнѣнія къ тому, что на нихъ можно глядѣть, какъ на письмена, а не

какъ на знаки для украшенія, ничего нескрывающіе, были заявлены прежде всего Саларевымъ и продолжаются доселѣ. Но эти сомнѣнія должны, по моему мнѣнію, пасть для всякаго, кто обратитъ вниманіе на послѣднюю строку, которой часть состоитъ не изъ произвольно придуманныхъ знаковъ, а изъ нашихъ обыкновенныхъ буквъ, начертанныхъ отчасти вполнѣ, отчасти вязью. Занявшись ими, я нашелъ, что онѣ употреблены то въ простомъ значеніи, то въ правильномъ замѣненіи (в-к, г-л, д-м, е-н, з-о, и-п, и на оборотъ). Прочесть и понять смыслъ написаннаго ими не трудно тому, кто напалъ на пріемъ писанія, и онъ прочтетъ «и великаго и преподобнаго ѿца наш(е)го Савы Чудотворца что въ Звенигородѣ нарицаемыи Старожевки». Прочитавъ же это, конецъ безъ начала, нельзя не придти къ заключенію, что и предыдущіе знаки не суть знаки безъ смысла, что въ нихъ скрывается начало извѣстнаго конца, и нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не подивиться смышленности толкователей, вскрывшихъ смыслъ, хотя этому и мѣшало то, что для кажной изъ 6-ти или, лучше сказать, 7-ми частей написи употреблены особые знаки. Особая статья И. И. Срезневскаго по поводу труда г. Лавровскаго напечатана на слѣдующей страницѣ.

Академикъ Гротъ сообщилъ о полученномъ имъ отъ профессора славянскихъ языковъ въ Копенгагенскомъ университетѣ Смита, писанномъ по-русски письмѣ, въ которомъ онъ: 1) извѣщаетъ, что, знакомя своихъ слушателей съ произведеніями русской литературы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовитъ къ изданію два сочиненія: «Om Moscoviternes eller Storryssernes nationalitet», т. е. о московской или велико-русской національности (опроверженіе теоріи поляка Духинскаго), и «Kortfattet Loere om de russiske Verhretil Brug ved Foreloesninger», т. е. краткое ученіе о русскихъ глаголахъ, какъ пособіе при лекціяхъ; 2) проситъ доставить нѣсколько книгъ въ дополненіе къ имѣющимся уже въ тамошней университетской библіотекѣ, въ томъ числѣ: «Сборникъ отдѣленія», «Сербскій словарь» Лавровскаго и «Историческую библіографію»; 3) обѣщаетъ выслать относящіяся къ литературѣ сагъ книги, о доставленіи которыхъ академикъ просилъ его. Положено отправить въ библіотеку Копенгагенскаго университета означенныя г. Смитомъ академическія изданія. Къ этому Я. К. Гротъ присовокупилъ, что вслѣдствіе выраженнаго тѣмъ же ученымъ желанія, онъ сносился съ И. С. Аксаковымъ, не будетъ ли признано возможнымъ доставить въ Копенгагенскую библіотеку издававшійся въ Москвѣ журналъ «Русскую Бесѣду», и получилъ въ отвѣтъ, что бывшій издатель его А. И. Кошелевъ съ

удовольствіемъ изъявилъ готовность пожертвовать въ пользу названной библіотеки полный экземпляръ «Бесѣды», состоящій изъ 20-ти томовъ.

ЗАМѢЧАНІЯ О РУССКОМЪ ТАЙНОПИСАНІИ.

СТАТЬЯ АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Изслѣдованіе П. А. Лавровскаго о старо-Русскомъ тайнописаніи заслуживаетъ полное вниманіе любителей Русской древности и старины, какъ первый опытъ систематическаго обозрѣнія разныхъ способовъ затаеннаго написанія, употреблявшихся въ древности и позже, какъ на Руси, такъ отъ части и у югозападныхъ Славянъ. Востоковъ отмѣчалъ эти способы и старался объяснить ихъ, но не свелъ своихъ наблюденій, а только внесъ ихъ въ свои описанія памятниковъ. П. А. Лавровскій обозрѣлъ ихъ систематически, дополнилъ ихъ данными изъ другихъ описаній и своихъ наблюденій и уяснилъ то, что оставалось не яснымъ. Особенно замѣчателенъ предложенный имъ способъ объясненія таблицы тайнописанія, сообщенной Востоковымъ при стр. 4 его Описанія рукописей Румянцовскаго музея. Не повторяя того, что каждый съ любопытствомъ прочтетъ въ изслѣдованіи г. Лавровскаго, я сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній къ его изслѣдованію, не выходя изъ круга, имъ взятаго.

I.

Наиболѣе распространенный способъ затаенія состоялъ въ замѣненіи однихъ согласныхъ другими такъ, что, будучи поставлены въ двѣ строки, въ каждой по десяти буквъ, подъ 10-ою 11-я буква, подъ 9-ою 12-я и т. д., одна ставилась вмѣсто другой соотвѣтствующей (б = щ, в = ш и т. д.). Древнѣйшій изъ доселѣ отмѣченныхъ случаевъ употребленія этого затаенія встрѣтился въ записи при Прологѣ 1229 года, находившемся въ библіотекѣ проф. Баузе. Кѣмъ-то изъ любителей древности она переписана такъ: мацъ щы̄л томащсь именсышви нугипу ромьлтую. като хе и ниледь топгашви тъпичу лию арипъ (что значитъ: радъ бы̄с корабль преплывши пучину морьскую, тако же и писець кончавши книгу сію. аминъ). Какъ невѣрно это переписано, можно судить по слову щы̄л = бы̄с, въ которомъ л (= с) внесено въ строку, чего никогда не дѣлали въ словѣ бысть, тогда какъ бы слѣдовало ей быть надъ строкою подъ титлою: бы̄, какъ дѣлалось постоянно. При такой воль-

ности переписи немудрено было написать ы вм. ъı, у вм. оу или ȣ; а между тѣмъ все это можетъ возбуждать сомнѣнія въ древности записи. Къ счастію, остались кое какіе слѣды древности ея, нетронутые переписчикомъ, таковы: ь въ словахъ морьскую и писець, ъ въ словѣ кънигу. Такъ бы не написалъ писецъ недревняго времени. Можно думать, что и запись сочинена не Славяниномъ, а Грекомъ, и только переведена по Славянски. По крайней мѣрѣ вторая половина ея: «тако же и писець кончавши кънигу сию» есть чуть не переводъ Греческаго стиха:

οὕτος καὶ οἱ γράφουςι τέλος βιβλίου.

II.

Не менѣе любопытенъ способъ затаенія написаній, находимый въ Сербскихъ рукописяхъ и довольно обстоятельно объясненный г. Даничичемъ въ Гласникѣ 1859 г. (XI. 171). Въ этомъ способѣ взяты всѣ буквы гласныя и согласныя и замѣняются однѣ другими безъ отдѣленія гласныхъ и безъ видимаго порядка. Такъ на пр. начертанія «ѡви квѡѳ знцзв какѳ ихплиъ ѡвсъ» должны значить: си писа гниги попа вуковъ синъ. Изъ нѣсколькихъ записей, частію, кажется, невѣрно написанныхъ или переписанныхъ, г. Даничичь дознался что б надо читать за ъ, в за и, г за з, е за н, ѕ за д, з за г, и за в, в за п, л за о, н за е, о за л, п за к (и за ђ), р за ц (?), с за ѡ' ȣ за х, ф за ч, х за ȣ, ц за р, ч за б (?), ѡ за с, ѯ за м, ѱ за т, ѳ за а, а другія буквы (ъ, ь, ѣ = ꙗ, ю, ꙗ, щ) такъ и читать какъ написаны. Невольно заставляетъ задуматься въ этой азбукѣ отсутствіе употребленія Славянскихъ буквъ, кромѣ ц и ч, которыя могутъ быть считаемы и за знаки цифръ 90 и 900, и ъ, для выраженія котораго взятъ тотъ же знакъ, только нѣсколько измѣненный. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ Греческія буквы ξ и ψ, которыя Славянами употребляемы были очень рѣдко, почти исключительно въ Греческихъ же словахъ. То и другое наводитъ мысль на Греческое происхожденіе этого способа тайнописанія. И онъ дѣйствительно находится въ Греческихъ рукописяхъ X вѣка и болѣе позднихъ, какъ замѣчено было уже Монфокономъ. Переложеніе однѣхъ буквъ на другія въ этомъ Греческомъ способѣ такое:

α = ϑ, β = η, γ = ξ, δ = ς, ε = ε, ζ = γ, η = β, ϑ = α, ι = ς, κ = π, λ = ο, μ = ѯ, ν = ν, ξ = μ, ο = λ, π = κ, ρ = ϡ, σ = ω, τ = ψ, υ = χ, φ = φ, χ = υ, ψ = τ, ω = σ.

Примѣняя это Греческое затаеніе къ Сербскимъ записямъ, легко ихъ читаешь, только исправляя кое какія ошибки или по крайней мѣрѣ допуская нѣкоторыя отклоненія. Всматриваясь же въ порядокъ замѣненія Греческихъ буквъ, находимъ, что Греческая азбука въ немъ разбита на три главныя части: первая заключаетъ въ себѣ буквы α — ι, вторая κ — π, третья ρ — ω. Въ каждой изъ частей буквы замѣняются одна другою въ обратномъ порядкѣ, и въ средней части (κ — π) совершенно правильно, а въ двухъ крайнихъ (α — ι й ρ — ω) съ нѣкоторыми отклоненіями и съ принятіемъ въ число чертъ затаенія знаковъ числъ: стигмы, коппы и сампи (ϛ, ϟ, ϡ). По системѣ затаенія этотъ способъ, очевидно, есть одно изъ видоизмѣненій того помянутаго выше способа, который извѣстенъ у насъ подъ названіемъ тарабарской грамоты, и который въ свою очередь долженъ былъ быть видоизмѣненіемъ болѣе простаго способа, по которому всѣ буквы гласныя и согласныя замѣнялись однѣ другими такъ, что первая равнялась послѣдней, вторая предпослѣдней и т. д.

Къ стати замѣтить, что названіе грамоты тарабарскою, у насъ относительно новое, пришло къ намъ, кажется, съ запада, гдѣ слова taraber, talebar и т. п. означали все то, что можетъ прикрывать, скрывать того, кто имъ пользуется: taraber = tabardum значило долгую мантію, совершенно окутывающую, talebar—большой длинный щитъ, совершенно скрывающій того, кто его держитъ, и пр.

III.

Въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ, что близъ Звенигорода, въ числѣ немногихъ памятниковъ старины, достойныхъ изученія, есть довольно большой колоколъ *), вылитый по повелѣнію и на иждивеніе царя Алексѣя Михайловича. Онъ замѣчателенъ всего болѣе литыми написями, покрывающими большую часть его поверхности. Первыя шесть строкъ заняты написью, написанною обыкновенными буквами, и содержащею въ себѣ подробности о времени и другихъ обстоятельствахъ отлитія колокола, съ обозначеніемъ года отъ с. м. 7176, а отъ Р. Х. 1667 г. **) Послѣднія три строки заняты тайными письменами. Изъ Русскихъ ученыхъ прежде другихъ обратилъ на нее вниманіе К. Ѳ. Калайдовичъ

*) Онъ вѣситъ 2125 пудовъ и 30 фунтовъ. См. Истор. опис. Саввы-Сторожевскаго монастыря. М. 1846, стр. 46.

**) Въ выпискахъ и замѣчаніяхъ, приложенныхъ къ Истор. опис. Саввы-Сторожевскаго монастыря, стр. XXVI — XXVII, эта запись сообщена вся.

и не только написалъ о ней свою замѣтку, въ статьѣ о древностяхъ Звенигорода, но и напечаталъ рисунокъ этой записи *). Послѣ этого прочтеніемъ записи занялись многіе, и нѣкоторые по видимому удачно, какъ свидѣтельствуетъ письмо А. И. Ермолаева къ А. Х. Востокову отъ 26 января 1822 г.—«Надпись на колоколѣ въ монастырѣ Саввы Сторожевскаго нынѣ разобрана—во первыхъ отставнымъ ротмистромъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Скуридинымъ, который разобралъ 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю строки; во вторыхъ княземъ Петромъ Петровичемъ Лопухинымъ, разобравшимъ 6-ю строку; и наконецъ мною разобрана 1-я строка. Когда съ Вами увижусь, то покажу Вамъ разборъ тѣхъ старинныхъ шрифтовъ».

Эти толкованія сохранились въ собственноручномъ спискѣ Ермолаева, изъ котораго видно, что подъ именемъ строкъ толкователи понимали отдѣленія или «рѣчи», какъ назвалъ Ермолаевъ въ особенной своей замѣткѣ, промежду которыми дано мѣсто разнымъ отдѣлительнымъ знакамъ. И вотъ какъ прочтены были эти рѣчи:

а҃. изволениемъ преблагаго и пърещедраго бг҃*га* нашего.

в҃. и заступлениемъ милостивыя заступницы пресвятыя владычицы нашея и богородицы.

г҃. и за молитъвъ отъца нашего и милосътиваго заступника преподобнаго Савы чудотворъца.

д҃. и по обѣщанію и по повелѣнію раба Христова цр҃я Алеѯѣя ѿъ любьви своея душевныя и ѿ серъде*в*чнаго желанія.

е҃. слитъ сей колоколъ въ домъ пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ся рожества.

ѕ҃. и великаго и преподобънаго ѡц҃а наш҃го Савы чудотъворца что въ Звенигородѣ нарицаемыи Сторожевкии.

Глядя на эту разгадку тайныхъ письменъ Сторожевскаго колокола, нельзя не подивиться догадливости толкователей, особенно потому, что въ каждой изъ отдѣленныхъ шести, или правильнѣе говоря семи, рѣчей написи употребленъ особенный способъ замѣненія буквъ знаками, частію тѣми же самыми, но въ другомъ значеніи, частію иными.

Въ бытность мою въ Сторожевскомъ монастырѣ я снялъ наглядно эту напись самъ, и за тѣмъ сличая съ другими прежними снимками, которые мнѣ удалось пріобрѣсти, удостовѣрился, что ни

*) Рус. Вѣстникъ, 1811 г. XIV (№ 4), стр. 105—108. Къ статьѣ Калайдовича прибавлены замѣчанія Саларева, важныя болѣе всего по выраженію сомнѣнія къ тому, что письмена этой написи суть дѣйствительныя письмена, а не простыя украшенія.

въ снимкахъ, ни въ толкованіяхъ не сдѣлано никакихъ важныхъ опущеній. Присматриваясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ толкованіямъ, я позволилъ себѣ увѣриться что, если не вся напись, то по крайней мѣрѣ части ея не могутъ подлежать сомнѣнію въ томъ, что въ нихъ употреблены не безсмысленные знаки, а именно тайныя письмена. Такими особенно ясно оказываются принадлежащія къ последнему отдѣленію, всего 83 или 84 буквы. Въ немъ употреблены даже и не знаки, произвольно выбранные, а почти исключительно наши обыкновенныя буквы, какъ видно изъ слѣдующей переписи:

ПКНГПКАЛЗПИРНИЗМЗ²₂ЄЕАЛЗ,П,ЧАЕАШЛЗ
и в е л и к а г о и п р е п о д о б н а г о ѿ ц а н а ш г о
КАКЫЦ҃МЗГЄКЗРЦАЦІЗКЪОКНЕПЛЗРЗМНЕА
с а в ы ч ꙋ д о т в о р ц а ч т о в ъ з в е н и г о р о д е н а
РПЧАНДЫПКІЗРЗХНВ ,КПП
р и ц а е м ы и с т о р о ж е в с к и и

Въ этой переписи я позволилъ себѣ только уравнять и отдѣлить одну отъ другой буквы неровныя и соединенныя одна съ другою по причинѣ вязаннаго написанія.

Приведя въ порядокъ буквы, находимъ, что однѣ буквы вмѣсто другихъ употреблены слѣдующимъ образомъ: а—а, в—к, г—л, д—м, е—н, з—о, и—п, к—в, л—г, м—д, н—е, о—з, п—и, р—р, ц—ч, ч—ц, ш—ш, ъ—ъ, ы—ы. Кромѣ того вмѣсто б употребленъ знакъ ²₂, в какъ в, вмѣсто ж—х, вмѣсто ск—,к, вмѣсто с—к, вмѣсто т—і, г, вмѣсто ꙋ—°, вмѣсто ѿ—,п.

Изъ этого видно, что замѣненіе большею частію довольно правильно, и что оно, за нѣкоторыми исключеніями, дѣлитъ азбуку на двѣ половины, изъ которыхъ буквы одной замѣняются буквами другой въ такомъ видѣ:

в г д е з и
к л м н о п

По устраненіи сомнѣній о послѣдней части написи, заключающей въ себѣ только конецъ, непонятный безъ предшедшаго, нельзя не устранить ихъ и о переднихъ частяхъ.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что есть и современное написи свидѣтельство о ея содержаніи, доказывающее какъ вѣрно прочтена напись. Подлинная записка о ней хранится въ Государственномъ Архивѣ и издана въ Запискахъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи (II. 40) подъ заглавіемъ: «Подписи новы на коло-

колахъ въ Савинѣ монастырѣ Сторожевскаго. Вотъ эта запись (въ скобкахъ помѣщены отличія чтенія, принятаго Ермолаевымъ):

«Изволеніемъ всеблагаго (пре—) и всещедраго (пъре—) бога (: бгога) нашего и заступленіемъ многомилостивыя (: мил—) заступницы пресвятыя владычицы нашея и богородицы молитвами (*нѣтъ*) и за молитвы (—тъвъ) отца (отъ—) нашего и милостиваго (: —съти—) заступника преподобнаго Савы чудотворца (—ръца) и по обѣщанію и (по) повелѣнію раба Христова царя (: црѣ) Алексѣя (ѿ любви своея душевныя и ѿ серьдевчнаго желанія) слитъ сей колоколъ въ (: в) домъ пречистые (—святыя) богородицы честнаго и славнаго ея рожества и великаго и преподобнаго (—добъ—) отца (: ѡца) нашего Савы чудотворца (—творъ—) что въ Звенигородѣ (— де) нарицаемой (—мыи) Сторожевскій».

За этимъ въ записи изданной читаемъ еще нѣсколько строкъ, которыхъ на колоколѣ нѣтъ:

«при властѣхъ при честнѣмъ архимоританъ Ермогенѣ да при честнѣмъ келларѣ старцѣ Демьянѣ Горсткинѣ да при честнѣмъ казначеѣ священномъ Никитѣ Фроловѣ да при уставщикѣ священномъ и при соборныхъ старцахъ старцѣ Варламѣ старцѣ Тихонѣ Пестриковѣ старцѣ Онтоніи старцѣ Ѳеодосіи Пановѣ старцѣ Михаилѣ старцѣ Никодимѣ старцѣ Макаріи Лговскомъ старцѣ Васьянѣ и при чашникѣ старцѣ Тихонѣ и при 23-хъ священницѣхъ и при 18-ти дьяконѣхъ и при 80-хъ рядовыхъ братій. А сію подпись писалъ самъ Государь своею рукою и съ той подписи слово въ слово подпись вылита, а у подписей на концѣ написано: рабъ Христовъ и пречистые Богородицы язъ многогрѣшныи царь Алексѣи челомъ бью симъ колоколомъ и царица и съ сестрами а подписалъ язъ царь и государь всеа Русіи самодержецъ своею рукою премудрымъ писмомъ своего слогу и вымыслу 12 азбуками. Лѣта 7161 году».

Нѣтъ этого на колоколѣ, вѣроятно, потому что не могло на немъ помѣститься, или же потому что царь передумалъ и по новой мысли измѣнилъ запись, такъ какъ между составленіемъ записи въ 7161 = 1653 г. и отлитіемъ колокола въ 7176 г. = 1667 прошло болѣе 14 лѣтъ.

Окончу мою замѣтку о Сторожевской написи запискою о ней Ермолаева, находящеюся у меня въ черновомъ написаніи и заслуживающею вниманія, какъ по содержанію, такъ и по лицу, которымъ написана.

«Сія надпись во многихъ отношеніяхъ достойна особеннаго вниманія. Представляя намъ любопытный образецъ Русской тайнописи

(стеганографіи) XVII вѣка, она доказываетъ, что въ Россіи въ старину шифры были пригодны не для однѣхъ дипломатическихъ переписокъ или для внесенія въ книги разныхъ обстоятельствъ, которыя затѣйливые люди того времени ухитрялись сдѣлать непонятными для многихъ изъ своихъ современниковъ, но что они употребляемы были такъ же и для памятниковъ долженствовавшихъ быть видимыми народомъ. Всего же болѣе любопытно въ сей надписи то, что она открываетъ намъ достойную замѣчанія черту въ характерѣ царя Алексѣя Михайловича, который, по всей вѣроятности, самъ сочинилъ сію надпись. Догадка сія основывается на слѣдующихъ обстоятельствахъ:

1. Колоколъ слитъ по повелѣнію царя, а потому, кажется нельзя сомнѣваться въ томъ, что изображаемыя на немъ надписи были имъ предварительно утверждены.

2. Мастеръ, лившій колоколъ, безъ сомнѣнія, не осмѣлился бы изобразить на ономъ самъ собою надпись, изъ неизвѣстныхъ буквъ состоящую, которая, по тогдашнему непросвѣщенному образу мыслей, легко могла быть почтена за чародѣйство.

3. Самый составъ надписи доказываетъ, что оная сочинена не мастеромъ (лившимъ колоколъ): ибо о царѣ упоминается весьма просто: *раба Христова царя Алексѣя*; а въ то время подданные, говоря или пиша про царя, безъ сомнѣнія, не дерзнули бы назвать его однимъ именемъ, не прибавляя къ оному по крайней мѣрѣ его отчества. Мы имѣемъ много примѣровъ, что въ старину при упоминаніи подданными имени царствовавшихъ тогда государей (не только) на письмѣ, но даже и изустно всегда упоминалось не только ихъ отчество, но и нѣкоторые изъ титуловъ; а если бы кто осмѣлился поступить иначе, то конечно навлекъ бы себѣ много непріятностей.

И такъ кажется весьма вѣроятно, что никто другой, кромѣ самого царя, не могъ сочинить сей стеганографической надписи, въ которой объ немъ упоминается такъ просто. Къ тому можно еще прибавить, что царь Алексѣй Михайловичь любилъ нѣкоторую таинственность даже въ своихъ забавахъ, какъ то должно заключить изъ книги, называемой *Урядникъ, новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути*, напечатанной въ древней Россійской Вивліоѳикѣ, гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя невразумительныя рѣчи, которыя говоритъ самъ царь и другія чиновники при обрядѣ произведенія рядовыхъ сокольниковъ въ начальные сокольники.

Но допуская, что самъ царь былъ сочинителемъ изображенной на колоколѣ стеганографической надписи, предстанетъ къ разрѣшенію вопросъ, что могло его къ тому побудить? Рѣшить сей вопросъ можно тѣмъ, что въ старину въ Россіи, не исключая даже и царской фамиліи, всѣ вѣрили чародѣйствамъ, коими злонамѣренные люди могли вредить другимъ. Сіе самое побуждало многихъ имѣть прибѣжище къ талисманамъ и тому подобнымъ противудѣйствующимъ средствамъ. Нѣкоторые, для избѣжанія пагубныхъ слѣдствій ворожбы и колдовства, употребляли въ общежитіи другія имена, а не тѣ, кои были намъ даны при крещеніи, въ томъ мнѣніи, что заклинанія волшебника будутъ не дѣйствительны, если онъ не знаетъ настоящаго имени того, противъ кого онъ чародѣйствуетъ».

О КЛАССИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

СТАТЬЯ АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

I.

Въ чемъ сущность вопроса?

Въ № 100-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» почтенный професоръ А. Н. Бекетовъ напечаталъ замѣтку, въ которой онъ окончательно приходитъ къ выводу, что общее образованіе должно предпочтительно основываться на естественныхъ наукахъ и что при быстро усиливающемся развитіи ихъ, онѣ современемъ вытѣснятъ во всей Европѣ другую основу общаго образованія — древніе языки.

Спокойный тонъ этой замѣтки вызываетъ на дальнѣйшее обсужденіе спорнаго вопроса. Мнѣ кажется, что если оставаться на почвѣ однихъ логическихъ доводовъ, сохраняя полное уваженіе къ противоположному взгляду, то каждый, составившій себѣ ясное въ дѣлѣ убѣжденіе, обязанъ заявить его. Устраняя себя отъ всякой полемики и не входя въ подробный разборъ замѣтки г. Бекетова, я позволю себѣ только, по поводу ея, представить въ самой сжатой формѣ нѣсколько соображеній, которыя могутъ привести къ иному заключенію.

Изученіе человѣка, во всей его полнотѣ, можетъ, пожалуй, также быть относимо къ естественнымъ наукамъ; но въ человѣкѣ есть

внутренняя сторона — жизнь его духа, изученіе которой такъ обширно, что оно въ своемъ развитіи образовало особенный циклъ наукъ, обнимающихъ языкъ человѣческій, исторію народовъ и государственный бытъ.

При сравненіи этого круга знаній съ науками естественными, едва ли можно отрицать, что послѣднія даютъ собственно одни факты (конкретные — въ явленіяхъ, и отвлеченные — въ законахъ ихъ), факты, которые хотя и выведены изъ ряда наблюденій и изслѣдованій, но примѣнимы непосредственно только къ житейскимъ потребностямъ и пользамъ, тогда какъ первыя, т. е. историко-филологическія знанія, обогащаютъ духъ матеріаломъ, плодотворнымъ *для дѣлъ* въ мірѣ нравственномъ, гражданскомъ и политическомъ.

Математика, физика, химія и т. п. науки развиваютъ умъ для наблюденія и анализа и удовлетворяютъ одну сторону любознательности нашей, но не возбуждаютъ дѣятельности высшихъ способностей души, не даютъ никакого отвѣта на ея эстетическія и моральныя потребности.

Къ этому служатъ науки другаго разряда, занимающіяся психическою стороной человѣка и всѣмъ, что̀ на ней зиждется.

Основу приготовительнаго высшаго образованія издавна составляютъ, въ западно-европейской цивилизаціи, древніе языки. Враги ихъ совѣтуютъ обратиться лучше къ *глубокому* изученію языковъ новѣйшихъ; но развѣ оно возможно безъ изученія древнихъ? Иные предлагаютъ усилить, насчетъ классической литературы, преподаваніе исторіи; но развѣ и ее можно изучать вполнѣ основательно безъ знанія древнихъ языковъ? Наконецъ, намъ говорятъ, что методъ послѣднихъ легко замѣнить такимъ же или еще лучшимъ методомъ въ естественныхъ наукахъ; но могутъ ли онѣ доставить ту пищу для духа, какую даетъ чтеніе древнихъ писателей, какъ основа историческаго и философскаго образованія?

Естественныя науки сами по себѣ, конечно, не ведутъ къ матеріализму; но, будучи слишкомъ рано выдвинуты на первый планъ въ умственномъ образованіи, онѣ ничѣмъ не замѣнятъ тѣхъ благотворныхъ для молодой души, полныхъ содержанія элементовъ, которые вносятся въ нее изученіемъ такъ-называемыхъ «humaniora».

Давно уже въ Западной Европѣ, въ кругахъ мыслящихъ людей, слышатся жалобы на то, что науки математическія и естественныя даютъ образованіе слишкомъ одностороннее, когда онѣ становятся

уже въ молодомъ возрастѣ преобладающими, съ устраненіемъ другихъ отраслей знанія, имѣющихъ гораздо бо̀льшее значеніе для психическаго развитія человѣка.

Но зачѣмъ древніе языки тому, кто идетъ на математическій или естественный факультетъ?

При поступленіи въ гимназію мальчикъ еще не можетъ опредѣлить, какая область вѣдѣнія понадобится ему для университета. Если способности и охота побудятъ его избрать, положимъ, историческій или юридическій факультетъ, то онъ, безъ знанія древнихъ языковъ, будетъ лишенъ того основанія, для пріобрѣтенія котораго (что̀ бы ни говорили противники классицизма) время уже упущено. Если же онъ посвятитъ себя математическимъ или естественнымъ наукамъ, зная древніе языки, то хотя знаніе ихъ, конечно, не будетъ имѣть для него такого непосредственнаго значенія, но то, что̀ они ему дали, не останется безплоднымъ: въ нихъ онъ на всю жизнь сдѣлалъ пріобрѣтеніе, безъ котораго онъ, вращаясь въ европейскомъ ученомъ мірѣ, всегда бы чувствовалъ невознаградимый пробѣлъ въ своемъ образованіи. Ужели всякій долженъ съ дѣтства учиться только тому, что̀ нужно для хлѣба? Я видѣлъ медиковъ, которые въ свободные часы страстно занимались литературой, и этой отрадой они обязаны были своему первоначальному гуманистическому образованію. Человѣкъ, сильный только въ естественныхъ наукахъ, всегда будетъ въ умственномъ развитіи уступать тому, который присоединяетъ къ нимъ классическую основу образованія. Понятно, что общеобразовательными знаніями можно считать только тѣ, которыхъ предметъ — духовная сторона человѣка, въ обширномъ смыслѣ, а не тѣ, которыя обнимаютъ одну внѣшнюю природу, потому что эти послѣднія, какъ бы ни были они глубоки, не вводятъ въ святилище природы, а знакомятъ не болѣе, какъ съ ея дѣйствіями или, пожалуй, и съ ея законами, но только въ ихъ внѣшнемъ проявленіи. Принять естественныя науки за основу общеприготовительнаго образованія вмѣсто древнихъ языковъ было бы то же, что дать перевѣсъ бездушной природѣ надъ высшею духовною жизнью. Англичанинъ Попъ сказалъ великую истину, которая никогда не утратитъ своего значенія: «The noblest study of mankind is man» (благороднѣйшій предметъ изученія для человѣчества есть человѣкъ).

II.

По поводу вопросовъ о предметахъ общаго образованія.

Многоуважаемый издатель «Вѣстника Европы» почтилъ мою. краткую замѣтку о сущности классическаго образованія*) довольно обширнымъ возраженіемъ («Спб. Вѣд.» № 109), въ которомъ онъ, между прочимъ, обращается ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами. Не желая утомлять вниманія читателей и зная, что испоконъ-вѣку всѣ людскіе споры кончаются тѣмъ, что каждая изъ сторонъ остается при своемъ убѣжденіи, постараюсь объясниться какъ можно короче.

Въ первой замѣткѣ своей я коснулся только одной стороны дѣла, именно гуманистическаго содержанія классическихъ литературъ въ сравненіи съ реальными науками, имѣющими предметомъ одну внѣшнюю природу. Это подало М. М. Стасюлевичу поводъ сказать, что дѣло, слѣдовательно, не въ классическомъ, а въ литературномъ образованіи, которое можетъ быть лучше достигаемо изученіемъ новѣйшихъ языковъ. Поэтому, сознавая превосходство литературнаго образованія надъ реальнымъ, онъ предлагаетъ въ основу перваго поставить, вмѣсто древнихъ языковъ, новые съ ихъ богатыми литературами и геніальными писателями. Но при этомъ почтенный возражатель какъ-будто не хочетъ припомнить того, что̀ столько разъ высказывалось замѣчательными педагогами объ образовательномъ дѣйствіи самыхъ языковъ древняго міра. Итакъ я долженъ прежде всего попытаться выяснить въ немногихъ словахъ взглядъ на ихъ значеніе.

Человѣку всего ближе и доступнѣе міръ собственнаго его мышленія и слова. Изъ всѣхъ языкòвъ нашей индо-европейской расы греческій и латинскій, установившись и завершивъ свое развитіе въ древности, отличаются отъ позднѣйшихъ своимъ самобытнымъ и правильнымъ строемъ. Система ихъ законовъ составляетъ настоящую *науку* слова въ приложеніи къ двумъ образцовымъ его организмамъ. Работа ума надъ уразумѣніемъ этихъ законовъ и потомъ надъ примѣненіемъ ихъ въ устныхъ и письменныхъ упражненіяхъ дѣйствуетъ плодотворно на умственное развитіе и укрѣпленіе навыка ко всякому серіозному умственному труду. Изученіе древнихъ языковъ, наравнѣ съ математикой, представляетъ неистощимый матеріалъ для самодѣятельнаго и послѣдовательнаго напряженія

*) См. «Голосъ», № 108.

мысли. Человѣкъ, получившій хорошее классическое образованіе, уже въ школѣ пріобрѣтаетъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, то терпѣніе и самообладаніе, ту стойкость и выдержку въ работѣ, которыя, безъ этого прочнаго основанія, развиваются позднѣе только путемъ упорныхъ и многолѣтнихъ усилій. Справедливость этого замѣчанія лучше всего доказывается примѣромъ тѣхъ училищъ, гдѣ классы раздѣляются на два отдѣленія—классическое (или ученое) и реальное: въ такихъ училищахъ сдѣлано наблюденіе, что превосходство по *всѣмъ* предметамъ (не говоря уже о языкахъ) принадлежитъ ученикамъ перваго изъ названныхъ отдѣленій. Вотъ въ чемъ заключается общечеловѣческое педагогическое значеніе двухъ языковъ, которые неоспоримо должны быть признаны совершеннѣйшими языками европейскаго міра на всемъ протяженіи его культурной исторіи.

Новѣйшіе языки, по богатству своихъ литературъ, могутъ конечно соперничать съ древними, но, по своимъ формамъ и строю, они не представляютъ тѣхъ же преимуществъ для школы. Во всѣхъ ихъ замѣчается большее или меньшее искаженіе древнихъ формъ человѣческой рѣчи; въ нихъ слишкомъ много неорганическаго, случайнаго и условнаго. Притомъ, не только въ романскихъ языкахъ, но также въ германскихъ и славянскихъ, греческія и латинскія слова составляютъ такую значительную пропорцію, что отчетливое преподаваніе современныхъ намъ европейскихъ языковъ просто немыслимо безъ помощи древнихъ. Вотъ другая сторона общеевропейскаго, а слѣдовательно и общечеловѣческаго значенія послѣднихъ. Русскій—-также европеецъ, и языкъ его принадлежитъ къ тому же корню, какъ и классическіе языки. Еслибъ мы оставались отчужденными отъ Европы, тогда имѣли бы право сказать, что у насъ мало общаго съ греко-римскимъ міромъ; но когда изученіе языковъ нынѣшняго европейскаго запада, рядомъ съ усвоеніемъ его быта, нравовъ, учрежденій и изобрѣтеній, составляетъ господствующую черту нашей умственной жизни, то какъ намъ не признать, что мы вмѣстѣ съ Европою стоимъ на одномъ и томъ же культурномъ основаніи? какъ намъ отказаться отъ связи съ первобытной европейской цивилизаціей? или мы предпочтемъ не имѣть подъ собой никакой культурной почвы, кромѣ развѣ старо-болгарской письменности?

По поводу предположенія г. Бекетова ввести въ гимназіяхъ, вмѣсто древнихъ языковъ, *глубокое* изученіе новыхъ, я замѣтилъ, что *такое* изученіе ихъ было бы невозможно безъ знанія первыхъ. Но

«возможно ли», спрашиваетъ г. Стасюлевичъ, «глубокое изученіе самихъ классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго, безъ *предварительнаго* изученія языка санскритскаго?» Слѣдовательно, заключаетъ онъ, и этотъ языкъ долженъ быть преподаваемъ въ гимназіяхъ? Несеріозность такого вывода очевидна для всякаго. *Глубокое* изученіе древнихъ языковъ нужно только для филолога и невозможно въ гимназіяхъ; для общаго образованія требуется только основательность; изученіе санскрита ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть *предварительнымъ*; это предметъ спеціальной учености, который составилъ бы излишнее бремя и безсмысленную роскошь въ приготовительномъ образованіи. Языки греческій и латинскій оказываются вполнѣ достаточными для предположенной цѣли; они важны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что не только не затрудняютъ, но чрезвычайно облегчаютъ изученіе новыхъ языковъ. Человѣкъ, получившій хорошее классическое основаніе, легко и скоро овладѣваетъ всякимъ другимъ языкомъ. Странно было бы еслибъ Русскіе, одаренные вообще особенными лингвистическими способностями, предпочли поверхностное основательному для избѣжанія труда, которому вся Европа разумно подвергаетъ свою молодежь. Кромѣ западныхъ государствъ, мы имѣемъ передъ собою еще ближайшій примѣръ Скандинавскаго сѣвера и Финляндіи, гдѣ классическое образованіе особенно цѣнится и оказало великія услуги просвѣщенію. Тамъ общеобразовательная классическая подготовка продолжается еще и въ университетахъ, такъ что никто по спеціальнымъ факультетамъ не имѣетъ права экзаменоваться на степень доктора, если не пріобрѣлъ предварительно степени магистра или доктора же по факультету философскому, въ которомъ знаніе древнихъ языковъ составляетъ краеугольный камень. Степень же доктора правъ считается необходимою для занятія высшихъ государственныхъ должностей по законодательной и судебной частямъ.

По увѣренію реалистовъ, классическое образованіе на Западѣ начинаетъ уже колебаться и должно будетъ рано или поздно уступить мѣсто реальнымъ наукамъ. Но въ сущности оно вездѣ крѣпко держится, отказываясь только отъ исключительнаго господства и признавая право реализма на законный просторъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ классицизмъ, какъ въ Англіи, подавляетъ развитіе другихъ знаній, онъ долженъ быть ограниченъ; а тамъ гдѣ, напротивъ, онъ слишкомъ слабъ, его слѣдуетъ укрѣпить. Строить теоріи на гадательномъ будущемъ — невозможно; обращаясь къ исторіи, мы должны сознаться, что умственное величіе и

могущество Европы, не исключая и успѣховъ естествознанія, выросло на почвѣ классицизма. Мы знаемъ, что и теперь еще въ государствахъ, наиболѣе процвѣтающихъ, преобладаетъ въ воспитаніи классическая система; знаемъ, что Западная Европа, при этой основѣ общаго образованія, дала міру много великихъ мыслителей, политиковъ, администраторовъ, законодателей, наконецъ ученыхъ по *всѣмъ* отраслямъ знанія; Восточная же Европа, при полномъ почти отсутствіи того же элемента, была относительно бѣдна людьми на всѣхъ поприщахъ умственной и государственной дѣятельности. Тотъ славянскій народъ, который сталъ впереди всего своего племени, Чехи, началъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ западно-европейскую систему образованія.

Есть довольно распространенное мнѣніе, что литературу древнихъ можно вполнѣ изучить по переводамъ на новѣйшіе языки. Неоспоримо, что произведенія ума безъ большаго ущерба для смысла читаются въ переводахъ. Но нельзя того же сказать о произведеніяхъ фантазіи и вкуса, напр., о гомерическомъ эпосѣ. Непосредственное знакомство съ художественною стороной древней литературы составляетъ для всякаго одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній въ молодости, когда воображеніе и эстетическое чувство сохраняютъ всю свою свѣжесть и воспріимчивость. Такое знакомство не теряетъ своего живительнаго дѣйствія и въ позднѣйшіе годы положительныхъ занятій и стремленій. По этой причинѣ первоначальное классическое образованіе должно имѣть еще бо̀льшую цѣну для того, кто послѣ посвящаетъ себя изученію предметовъ совершенно другаго рода или чисто-практической дѣятельности. Для утилитарныхъ цѣлей такая подготовка, конечно, не служитъ ему непосредственно, но при этомъ духовномъ запасѣ онъ всегда будетъ человѣкомъ болѣе образованнымъ, нежели тотъ, кто съ ранней молодости осужденъ на сухое и холодное изученіе однѣхъ положительныхъ наукъ.

Изъ давняго опыта нашихъ среднихъ училищъ уже извѣстно, какъ плохо удается въ нихъ преподаваніе новыхъ языковъ: для успѣшности его нужна практика, которой тамъ недостаетъ; одно книжное изученіе живыхъ языковъ, какъ мертвыхъ, не удовлетворяетъ самихъ учениковъ и не поддерживаетъ ихъ любознательности. Даже во французскомъ, котораго знаніе привлекательно для массы общества, немногіе изъ нихъ сколько-нибудь успѣваютъ. Что касается до нѣмецкаго, о необходимости котораго мой уважаемый противникъ желаетъ знать мое мнѣніе, то на этотъ счетъ можетъ

конечно быть только одинъ отвѣтъ; но, къ крайнему сожалѣнію, этотъ почтенный языкъ, наравнѣ съ латынью, до сихъ поръ въ бо́льшей части нашихъ училищъ не пользуется ни малѣйшимъ сочувствіемъ. Вотъ тутъ-то обнаруживается во всей полнотѣ наша бѣдность въ педагогахъ, способныхъ преодолѣть укоренившееся предубѣжденіе и возбудить охоту къ языку, безъ котораго, въ самомъ дѣлѣ, будущему студенту какого бы ни было факультета обойтись невозможно. Наконецъ, относительно роднаго языка замѣчу, что какъ ни полезно раннее и сознательное его изученіе въ связи съ церковнославянскимъ, однакожъ и съ этимъ дополненіемъ онъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, никогда не можетъ замѣнить древнихъ языковъ; его преподаваніе должно предшествовать и сопутствовать изученію греческаго и латинскаго, но не исключать ихъ.

Мы видимъ поэтому, что мысль ввести, вмѣсто древнихъ языковъ, новые не такъ счастлива, какъ можетъ съ перваго взгляда казаться. Съ другой стороны поборники реализма утверждаютъ, что естественныя науки могутъ доставить въ среднихъ училищахъ такой же годный матеріалъ для умственнаго развитія, какъ древніе языки. Трудно понять, какимъ образомъ естествознаніе въ гимназіи, особливо въ низшихъ классахъ, могло бы преподаваться такъ, чтобъ ученики въ своихъ занятіяхъ по этому предмету (именно по естественной исторіи, какъ предлагаетъ г. Бекетовъ) находили достаточное упражненіе въ самодѣятельности ума и въ примѣненіи правилъ къ дѣлу. Желательно было бы, чтобъ кто-нибудь изложилъ хоть въ общихъ чертахъ программу первоначальнаго преподаванія естественныхъ наукъ. Мы понимаемъ, что самостоятельная разработка ихъ, какъ всякое серіозное наблюденіе и изслѣдованіе, требуетъ большаго напряженія ума и вполнѣ достойно ученаго; но то, что изъ естествознанія доступно раннему возрасту,—описаніе предметовъ, классификація ихъ по признакамъ и номенклатура,—едвали можетъ составить занятіе особенно плодотворное для умственнаго развитія.

М. М. Стасюлевичу угодно было назвать *личнымъ* моимъ мнѣніемъ тотъ взглядъ, который по сіе время соединяетъ въ свою пользу большую часть мыслящихъ людей Европы. Инымъ кажется что вопросъ уже рѣшенъ окончательно большинствомъ русскаго общества. Замѣтимъ однакожъ, что даже и въ ученой Германіи публика, по педагогическимъ вопросамъ, не имѣетъ рѣшающаго голоса: у насъ же предубѣжденіе значительной части общества противъ классицизма много происходитъ отъ того состоянія, въ

какомъ находится преподаваніе древнихъ языковъ въ большей части гимназій. Неумѣніе многихъ учителей взяться за дѣло, непомѣрное обремененіе учениковъ уроками, излишнія требованія, безпощадные экзамены—все это должно было вооружить противъ классицизма не только учащихся, но и ихъ родителей.

Отсюда слѣдуетъ, что въ настоящемъ положеніи нашихъ среднихъ училищъ есть сторона, которая, независимо отъ вопроса о системѣ образованія, настоятельно и неотложно требуетъ коренной реформы. Это несоразмѣрность числа предметовъ и объема курсовъ съ силами учащихся. Пока будетъ продолжаться это гибельное зло въ устройствѣ нашихъ классическихъ гимназій, до тѣхъ поръ положенная въ основаніе ихъ система не получитъ своего истиннаго значенія. Хорошіе преподаватели и руководства, нормальное распредѣленіе учебныхъ занятій и задаваемыхъ уроковъ, измѣненіе способа испытаній, наконецъ введеніе гимнастики — вотъ предметы, заслуживающіе самаго заботливаго вниманія правительства и столь же важные, какъ установленіе той или другой системы ученія. Только при этихъ условіяхъ будетъ возможно судить о результатахъ вводимаго у насъ классическаго образованія.

Въ заключеніе нужнымъ считаю, — чтобъ предупредить всякое недоразумѣніе, — выставить основные пункты моего взгляда на дѣло:

1) Классическая система имѣетъ глубокое значеніе для умственнаго развитія молодаго человѣка и потому незамѣнима въ образованіи не только ученыхъ и педагоговъ, но и вообще людей, предназначающихъ себя къ высшимъ духовнымъ задачамъ общественной дѣятельности.

2) Важность классическаго образованія не устраняетъ необходимости дать широкій просторъ реальному образованію, которое доступнѣе для большинства и нужно какъ для всѣхъ отраслей технической, такъ и для разныхъ родовъ практической дѣятельности.

3) При томъ низкомъ уровнѣ, на какомъ у насъ до сихъ поръ находилось педагогическое дѣло (такъ что въ образованіи, собственно говоря, не было *никакой* системы), введеніе классицизма во всей его абсолютной строгости невозможно и должно происходить постепенно.

4) Требованіе, чтобъ всѣ поступающіе въ университеты знали оба древніе языка, не можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, пока будутъ существовать, какъ полнѣйшее тому противорѣчіе, привилегированныя учебныя заведенія, откуда воспитанники, послѣ поверхностнаго 6-ти или 7-ми лѣтняго курса и въ сравнительно незрѣломъ

возрастѣ, допускаются къ важнѣйшимъ отраслямъ государственной службы, не получивъ классическаго образованія.

и 5) Немедленно слѣдовало бы устранить гибельныя условія для здоровья, для умственнаго и физическаго развитія, въ какія поставлено въ нашихъ гимназіяхъ молодое поколѣніе, сверхъ силъ обремененное уроками и невыполнимыми для большинства требованіями, которыя не поддерживаются, по большей части, ни раціональнымъ преподаваніемъ, ни удовлетворительными учебниками: обыкновенно масса подробностей подавляетъ сущность, и излишеству мелочей приносится въ жертву основательное знаніе. Совершенно упускается изъ виду, что главная задача не въ сообщеніи полнаго запаса фактовъ, а въ подготовленіи почвы для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ жизни.

PS. Въ послѣднее время стало высказываться у насъ мнѣніе о какомъ-то будто бы аристократическомъ характерѣ классическаго образованія. Тутъ кроется прискорбное недоразумѣніе. Примѣръ всѣхъ странъ Европы показываетъ, что чрезъ классическія гимназіи съ особеннымъ успѣхомъ и самыми видными результатами проходятъ, большею частью, именно люди не только средняго, но низшаго сословія, т. е. тѣхъ слоевъ общества, гдѣ упорный трудъ составляетъ потребность и привычку, а не тѣхъ, которые стремятся къ легкому наслажденію жизнью съ возможно-меньшимъ напряженіемъ силъ. Если классицизмъ дѣйствительно ведетъ къ какой-нибудь аристократіи, то развѣ только къ аристократіи ума, трудолюбія и знанія, а въ ней — единственно твердый оплотъ противъ преобладанія аристократіи всякаго рода внѣшнихъ благъ и невѣжества.

Сентябрь и октябрь 1871 года.

Заявлено о послѣдовавшей въ іюнѣ мѣсяцѣ кончинѣ старшаго помощника библіотекаря П. П. Ламбина и выражено общее о томъ сожалѣніе членовъ Отдѣленія, которое всегда цѣнило добросовѣстные библіографическіе труды покойнаго, его скромность, честность и благородство характера.

Академикъ Пекарскій, по повѣркѣ въ Государственномъ архивѣ бумагъ покойнаго К. И. Арсеньева и приведеніи въ извѣстность, какія изъ нихъ уже изданы, приступилъ къ печатанію своего труда о жизни и дѣятельности этого ученаго, съ приложе-

ніемъ неизданныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ настоящее время изданіе это доведено до 24-го листа включительно. Изъ числа приложенныхъ документовъ было прочитано между прочимъ составленное въ прошломъ столѣтіи любопытное описаніе, какъ жена Дѣденовскаго управителя (вѣроятно, бывшая кормилица Анны Іоанновны) Настасья Шестакова провела день во дворцѣ Императрицы.

П. П. Пекарскій прочиталъ также составленную имъ на основаніи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ Государственнаго архива, записку о молодыхъ людяхъ, отправленныхъ за границу по повелѣнію Екатерины II для довершенія своего образованія въ 1767 и слѣдующихъ годахъ. Записка эта съ извлеченіями изъ подлинныхъ бумагъ будетъ напечатана.

Академикъ Бычковъ сообщилъ свой отзывъ о переданныхъ на его разсмотрѣніе двухъ собраніяхъ мѣстныхъ словъ, доставленныхъ: 1) штатнымъ смотрителемъ Валдайскихъ училищъ и д. членомъ Новгородскаго статистическаго комитета Ѳ. Пардолоцкимъ, и 2) Гороховецкаго уѣзда (Влад. губ.) села Купли священникомъ Іоанномъ Андреевымъ Бѣлинымъ. Положено напечатать сдѣланныя А. Ѳ. Бычковымъ извлеченія изъ замѣтокъ гг. Пардолоцкаго и Бѣлина.

Академикъ Гротъ, доложивъ, что онъ приступилъ къ разработкѣ предоставленныхъ ему И. С. Капнистомъ подлинныхъ рукописей Хемницера, прочелъ написанную на основаніи ихъ монографію о даровитомъ баснописцѣ, а также выдержки изъ неизданныхъ его стихотвореній, писемъ и замѣтокъ. По этимъ новымъ источникамъ значительно уясняется симпатическая личность человѣка и писателя. Извлеченія изъ бумагъ Хемницера и въ особенности любопытныя письма его къ Н. А. Львову изъ Константинополя и Смирны войдутъ въ новое изданіе этого автора, которое, по порученію Отдѣленія, предпринимаетъ Я. К. Гротъ, такъ какъ, по небольшому объему сочиненій Хемницера, трудъ этотъ потребуетъ сравнительно не много времени и не отвлечетъ академика отъ прежде начатыхъ работъ.

Академикъ Срезневскій, возвратясь изъ лѣтняго путешествія, заявилъ, что оно дало ему возможность подробно изслѣдовать нѣкоторыя изъ древнихъ рукописей, преимущественно Кормчихъ, въ Румянцовскомъ музеѣ, Синодальной библіотекѣ, Троицко-Сергіевской и Московской академической, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ нѣсколькими собраніями книгъ, которыя дотолѣ оставались ему

неизвѣстными. Изъ числа этихъ послѣднихъ особенно важно собраніе, принадлежащее Ярославскому архіерейскому дому. Внимательность высокопреосвященнаго архіепископа Нила облегчила трудъ академика. Обозрѣвъ на мѣстѣ все собраніе, И. И. Срезневскій занялся особенно нѣкоторыми изъ рукописей, именно тѣми, которыя, по его мнѣнію, писаны въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, и по окончаніи своихъ изслѣдованій не замедлитъ сообщить результаты ихъ Отдѣленію.

Академикъ Гротъ представилъ присланную ему учителемъ Витебской гимназіи П. В. Шейномъ рукопись подъ заглавіемъ: «Дополненія и замѣтки къ толковому словарю Даля». Она содержитъ въ себѣ слова, заимствованныя большею частью на мѣстахъ изъ устъ народа во время странствованій г. Шейна по разнымъ губерніямъ, гдѣ онъ записывалъ изданныя имъ недавно «народныя пѣсни». Положено благодарить г. Шейна, съ просьбою заняться окончательной редакціей этихъ цѣнныхъ прибавленій для напечатанія ихъ въ Сборникѣ Отдѣленія.

Тотъ же академикъ сообщилъ, что во время печатанія первой половины VII-го тома Державина, получены имъ еще немаловажныя дополненія къ прежнимъ матеріаламъ, въ особенности къ перепискѣ поэта и къ собранію его сочиненій въ прозѣ. Дополненія эти присланы частью въ копіяхъ, частью въ подлинникахъ, съ разрѣшенія князя С. М. Воронцова, изъ его одесскаго архива М. Ѳ. Шугуровымъ, который обязательно принялъ на себя трудъ не только изготовленія копій съ большаго числа писемъ, но и составленія къ нимъ примѣчаній. Сверхъ того Г. К. Рѣпинскимъ доставлено изъ архива департамента Герольдіи дѣло о гербѣ Державина со включеніемъ подлинной переписки его по этому предмету съ Козодавлевымъ, которая представляетъ нѣкоторыя отмѣны противъ напечатаннаго по отпускамъ текста этихъ писемъ въ академическомъ изданіи. Наконецъ, управляющій государственнымъ казначействомъ Н. В. Кидошенковъ сообщилъ, при посредствѣ Д. Ѳ. Кобеко, дѣловыя бумаги, писанныя Державинымъ по званіи государственнаго казначея въ царствованіе Императора Павла. Положено выразить почтеннымъ доставителямъ искреннюю признательность Отдѣленія.

СЛОВА ВАЛДАЙСКАГО УѢЗДА И ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ,

извлеченныя А. Ѳ. Бычковымъ изъ доставленныхъ въ Отдѣленіе матеріаловъ.

1.

Изъ представленнаго г. Пардолоцкимъ списка словъ, употребляемыхъ въ Валдайскомъ уѣздѣ, слѣдующихъ нѣтъ ни въ *Опытѣ областнаго великорусскаго словаря*, ни въ *Дополненіи* къ нему, ни въ *Толковомъ словарѣ живаго великорусскаго языка* Даля:

Вы́скодье. Обнажившіеся корни большихъ деревъ. Во Владимірской губерніи употребляется слово Выскодь, означающее дерево, вырванное съ корнемъ бурею.

Гра́нка. Комъ густаго тѣста, изъ котораго приготовляются баранки.

Залу́чина. Небольшой заливъ, поросшій трестою (осокою).

Корча́жка. Корни большихъ деревъ, выкапываемые изъ земли для топлива. Въ Дополненіи къ областному словарю помѣщено слово Корчавина, употребляемое въ Псковской и Тверской губерніяхъ и означающее корень дерева, валяющійся на землѣ.

Ку́тька камья́. Выдолбленная изъ дерева лодка, по бокамъ которой съ внѣшней стороны вдоль прибиваются для равновѣсія узкія дощечки. У Даля и въ Дополненіи къ областному словарю помѣщено слово Камья, употребляемое въ Псковской губерніи. У перваго оно объяснено такъ: лодка долбушка, однодеревка, душегубка.

Липа́нъ. Безногій, который ползаетъ на колѣняхъ.

Майка. Березка, которую ставятъ въ домахъ и снаружи передъ окнами въ Троицынъ день *).

О́книще. Самое топкое мѣсто въ болотахъ, наполненное водой; топь, трясина.

---

*) Приведенное г. Пардолоцкимъ слово *Май* — множество березокъ, находится въ словарѣ Даля, съ объясненіемъ, что оно означаетъ Троицкія березки и употребляется въ Новгородской губерніи.

Полета́йка. Бумажный змѣй съ мочальнымъ хвостомъ. Въ Тверской губерніи бумажный змѣй называется полетушкою.

Разста́нье, разстава́нье. Мѣсто, гдѣ какъ бы принято съ кѣмъ прощаться. Я проводила его до разстанья — до границы города или села.

Въ поименованныхъ лексикографическихъ трудахъ при нижеслѣдующихъ словахъ нѣтъ указанія, что они употребляются въ Новгородской губерніи.

Варъ. Кипятокъ (у Даля).

Глуши́ть рыбу. Топоромъ или толстымъ концомъ палки бить по тонкому осеннему льду на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ рыба, чтобы оглушить оную (у Даля и въ Опытѣ областнаго словаря).

Гулю́чки. Дѣтская игра, прятки (у Даля).

Корчеви́на. Корни большихъ деревъ, выкапываемые изъ земли для топлива (у Даля).

Крѣпы крѣпить. Утверждать крѣпость на домъ или землю въ присутственномъ мѣстѣ. Въ Дополненіи къ областному словарю помѣщено слово крѣпь—крѣпостной актъ (у Даля и въ Дополненіи къ областному словарю).

Куми́ться. Въ старину въ Петровъ день, 29 іюня, дѣвицы приглашали къ себѣ вечеромъ своихъ подругъ и угощали ихъ, какъ бы для скрѣпленія дружбы, и это значило на языкѣ ихъ кумиться (у Даля—знаться, дружиться; въ Опытѣ—угощать другъ друга; въ Дополненіи—водить съ кѣмъ-либо хлѣбъ-соль).

Лу́мка. Хороводъ. У Даля при словѣ хороводъ поставленъ вопросительный знакъ. Въ Дополненіи слово лумка объяснено словомъ хороводъ съ указаніемъ, что въ этомъ значеніи оно употребляется въ Валдайскомъ уѣздѣ.

На́виды, на́вѣды. Посѣщеніе родильницы знакомыми женщинами съ хлѣбомъ-солью и разными подарками (у Даля и въ Опытѣ областнаго словаря).

Рогъ. Коса, мысъ (у Даля и въ Опытѣ областнаго словаря).

Сосу́лька. Родъ печенья изъ пряничнаго тѣста (у Даля).

Сту́лецъ. Родъ печенья изъ гороховой или гречневой муки, имѣющаго форму стакана, суживающагося ко дну (у Даля, въ Опытѣ и въ Дополненіи).

Умора, помора. Что-либо смѣшное (у Даля).

2.

Списокъ собранныхъ во Владимірской губерніи отцомъ I. А. Бѣлинымъ словъ, не помѣщенныхъ въ *Толковомъ словарѣ* Даля, въ *Опытѣ областнаго великорусскаго словаря* и въ дополненіи къ нему:

Абызъ — невнимательный, дуракъ (Влад. Сузд. Ковров. у.).

Авосейко — въ прошедшее время.

Балунъ — разсѣянный.

Батать — искать, бѣгать для розысковъ.

Безсудить — сердиться.

Бутузъ — богатый, надменный домохозяинъ (Влад. Ковр. Сузд. у.)

Ватолка — коверъ (Горох. у.).

Воскресенье кобылье, кошечье — худощавый, малосильный, безобразный человѣкъ (Влад. Ковр. Сузд. у.).

Вотолка — пресная испеченая лепешка, покрытая творогомъ (Алекс. Покров. у.).

Выхолзать имѣніе — украсть (Влад. Сузд. Юрьев. у.).

Выхолзать тепло — выстудить домъ частымъ хожденіемъ и притомъ ненужнымъ (Влад. Сузд. Юрьев. у.).

Глумливый, глумный — умоповрежденный (Алекс. Переяс. Юрьев. у.).

Гомозиться — шевелиться.

Гомозъ — множество.

Гонодобить — употреблять неимовѣрныя усилія къ постройкѣ (Влад. Ковр. Сузд. Юрьев. у.).

Дерьмо — плохое рукодѣлье.

Деряба — рябая, большаго роста, неуклюжая женщина.

Дряпня — дрянное кушанье.

Дубить — наказывать.

Дуванъ брать — растаскивать такъ скоро, какъ вихрь.

Ева, евана — можетъ быть (Меленк. Муром. Сузд. у.).

Езопъ — человѣкъ глупый, безобразный.

Емеля — глупый хвастунъ, лгунъ.

Житарь — мышь (Горох. у.).

Житарь — яровая рожь (Покров. у.).

Житера — жизнь (Судогод. у.).

Завѣдать — вкушать (Мелен. Муром. Судогод. у.).

Закалябила боль — сильно заболѣло.

Заклякло — закрѣпло, затвердѣло.

Здобы — приготовленіе, сборы (Сузд. у.).

Иматься — обѣщаться (Мелен. Муром. Сузд. у.).

Кадыхать—сильно кашлять (Алекс. Ковр. Cузд. Шуйск. Юрьев. у.).
Клошни—сплетни, кляузы (Влад. у.).
Клыги—голыя, грязныя, худощавыя ноги (Влад. Ковр. Cузд. у.).
Клюха—убытокъ, тягость (Влад. Ковр. Cузд. у.).
Колымага—навозная телѣга (Шуйск. Юрьев. у.).
Коростить—укрываться, шалить.
Коситься—злиться, сердиться (Влад. Cузд. Юрьев. у).
Крюкъ—человѣкъ зажиточный, богачъ.
Кочёра—глупецъ, упрямецъ (Горох. у.).
Куролесить—не соглашаться, препятствовать, браниться.
Лодыга—здоровая женщина (Влад. Ковр. Cузд. у.).
Лубцовать—снимать кожу съ животнаго (Вязн. Горох. у.).
Лубцовка—побои.
Лятъ—недоброжелатель (Влад. Cузд. Юрьев. у.).
Матка—жена мельника (Вязн. Горох. у.).
Мишенить—не рѣшаться начинать дѣло, вяло дѣлать (Юрьев. у.).
Молотвикъ—горшокъ, обвитый берестою (Судог. у.).
Морсикъ—недоростокъ (Влад. Cузд. у.).
Мышлявъ—уменъ, хитеръ (Меленк. Муром. Судог. у.).
Набелевѣтный—нестерпимый.
Назрить—посѣтить (Меленк. Муром. Судог. у.).
Назриться—не соглашаться на никакія условія, упрямиться (Влад. Ковр. Cузд. Юрьев. у.).
Нарахтиться, нарахчиться—задориться, сердиться (Алекс Покр. Юрьев. у.). У Даля норохтиться.
Насусвѣтный—извѣстный.
Незагнайчивъ—ласковъ, смѣлъ (Судог. у.).
Непырато—непрочно, ветхо.
Непыратъ—некрасивъ, глупъ.
Неурядный—невѣроятный (Мелен. Муром. Судог. у.).
Огаркать—огласить, навѣстить (Вязн. Горох. у.).
Ожихориться—выздоровѣть.
Отвавакать—нанести побои (Влад. Cузд. у.).
Ошлять—внезапно ушибить (Влад. Ковр. Cузд. Юрьев. у.).
Пигадно—медленно (Горох. у.).
Поддроки—жерди подъ хлѣбнымъ скирдомъ (Горох. у.).
Подъобѣцъ—рядомъ (Судог. у.).
Подъ одинъ гудъ—кстати (Судог. у.).
Похетка—небольшая пропажа.
Пригудникъ—капризникъ (Влад. Ковр. Cузд. у.).

Профырить—промотать имѣніе.
Пуржитъ погода—пробиваются снѣжинки сквозь щели.
Пылиться—опьянѣть.
Пыль поднимать—начинать брань.
Растышной—разорванный, гнилой, ни на что не годный (Ковр. Сузд. Судог. у.).
Сдедюлить, сдюлить—украсть (Влад. Ковр. Сузд. у.).
Собина—медъ съ воскомъ, сотъ (Горох. Судог. у.).
Счуръ—стыдъ (Горох. у.).
Тремодничать—капризничать (Влад. Сузд. у.).
Угара—мотъ
Угорѣть, угорѣлъ—уйти, ушелъ.
Фатюй—человѣкъ опрометчивый.
Фырить—роскошничать.
Хандрить—не рѣшаться, не смотря на всѣ выгоды.
Хило—непрочно, нездорово.
Хлудить—наносить слишкомъ (Влад. Сузд. у.).
Цѣну чувствовать—стыдиться (Горох. у.).
Шлепокъ—ребенокъ, начинающій ходить (Влад. Ковр. Покр. Сузд. у.).
Шлыкъ—большая голова.
Щеборить—ѣсть безъ аппетита, не во время.
Щедрина—щель, рѣдкіе зубы (Алекс. Влад. Ковр. Покр. Сузд. Юрьв. у.).
Ядритъ—шибко плачетъ, говорится о ребенкѣ.
Ярохвоститься—париться въ банѣ (Мелен. Муром. Сузд. у.).

3.

Извлеченіе изъ замѣтокъ отца Бѣлина.

I. *О выговорѣ въ Судогодскомъ, частію Меленковскомъ и Муромскомъ уѣздахъ.*—Въ сихъ уѣздахъ простонародье замѣняетъ буквы: 1) *ч*, *т*, *ш*, буквою:—*ц*, цуцело, вмѣсто чучело; опяцъ—вмѣсто опять; пойци, вмѣсто—пойти; сходицъ, вмѣсто—сходить. 2) *ц*—замѣняетъ *ч*, напримѣръ: отечь—вмѣсто—отецъ. 3) вмѣсто *щ*—произносятъ двойное *ш*: сышши, вмѣсто—*сыщи*. Въ сихъ уѣздахъ много употребляется словъ древняго славянскаго языка, наприм. кружка называется ручка; рогожа—рогозина и проч. 4) существуютъ слова иностранныя, наприм. парсона (persona) изображеніе, волится (volo) хочется. 5) бываютъ выра-

женія непонятныя и имѣющія два или болѣе значеній. 6) въ глаголахъ, гдѣ приходится оканчиватъ на *тся*, этотъ слогъ, въ тѣхъ уѣздахъ, произносится съ особенною чистотою, наприм. лакомиться; тогда какъ въ прочихъ уѣздахъ слогъ *тся*, замѣняется слогомъ *тца*, наприм. торговатца.

II. *Въ Гороховецкомъ и Вязниковскомъ уѣздахъ.* — 1) Литеры: *э*, *ѣ* и *е*, замѣняются: *іо*, наприм. вмѣсто всегда, произносятъ: всёгда; вмѣсто слѣпой — слёпой; вмѣсто сѣдой — сёдой. 2) Творидательный падежъ множественнаго числа, кончащійся на *ми*, произносятъ полуслогомъ *мъ;* напримѣръ, за деньгами — за деньгамъ; за дверями—за дверямъ; за отцами — за отцамъ.

III. *Въ Суздальскомъ, Юрьевскомъ уѣздахъ.*—Въ глаголахъ, оканчивающихся на *етъ*, замѣняютъ это окончаніе слогомъ *итъ;* напр. Ѣдитъ, будитъ, скажитъ, вмѣсто: ѣдетъ, будетъ, скажетъ.

IV. *Общія замѣчанія.*—1) Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ изобилуютъ мануфактурныя фабрики, всѣ почти жители говорятъ, придерживаясь московскаго произношенія, вытягивая какъ можно менѣе букву *а*,—вмѣсто *о*. Наприм. харашо, превасходна работаетъ. Такъ говорятъ: въ Александровскомъ, Преславскомъ, Покровскомъ уѣздахъ.

Примѣчаніе. Но въ тѣхъ же уѣздахъ равно и въ Шуйскомъ, коренные поселяне, зараженные духомъ раскола, держатся и въ словопроизношеніи глубокой старины; а потому смертнымъ грѣхомъ считаютъ измѣнить букву въ разговорѣ.

2) Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ нѣкоторыя лица занимаются отхожими промыслами, наприм. въ Суздальскомъ, Владимірскомъ уѣздахъ, каменщики, кровельщики, штукатуры; въ Вязниковскомъ, Гороховецкомъ—винокуры, котельщики; въ Ковровскомъ—портные, всѣ эти промышленники стараются точно такъ же подражать въ разговорахъ московскому нарѣчію.

3) Но у тѣхъ поселенъ, крестьянъ, Владимірской губерніи, которые ведутъ домашнюю, осѣдлую жизнь, не занимаясь ничѣмъ, кромѣ обработыванія земли, выговоръ всё стоитъ на той же, сообразно съ уѣздами, точкѣ, на которой онъ былъ съ незапамятныхъ временъ татарщины, и вѣроятно будетъ стоять еще вѣки, доколѣ лучъ просвѣщенія не озаритъ тьму языка у крестьянъ. Эти жалкіе братья наши и донынѣ, безсознательно, вполнѣ довольствуются темною стариною; они страшатся новшествъ просвѣщенія и зачастую гонятъ то, что имъ кажется накладно и не по вкусу, какъ бы оно ни было полезно, т. е. жалуются на грамотность.

ПАНДЕКТЫ НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

въ Русскомъ спискѣ XII в.

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Работая надъ рукописями Ярославскаго Архіерейскаго дома прошедшимъ лѣтомъ, я не могъ не обратить особеннаго вниманія на рукопись, о которой теперь сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія. Она заняла меня и древностью письма и языка и содержаніемъ — особенно по выдержкамъ изъ каноновъ апостольскихъ и соборныхъ. Къ сожалѣнію въ то время я не только не имѣлъ подъ руками какихъ нибудь описаній рукописей, но и не вспомнилъ, что прежде уже были сообщены свѣдѣнія и объ этой рукописи и о нѣкоторыхъ другихъ той же библіотеки. Только уже послѣ, благодаря постороннему указанію, я вспомнилъ и вновь познакомился со статьею, которою, конечно, не могъ не дорожить. Говорю о трудѣ своего почтеннаго товарища. Еще въ 1867 году А. Ѳ. Бычковъ, въ слѣдствіе своей поѣздки въ Ярославль, сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о рукописяхъ Ярославскаго Архіерейскаго дома (Спасскаго монастыря) и между прочимъ о двухъ изъ тѣхъ древнихъ, къ числу которыхъ относится и та, о которой идетъ теперь рѣчь. Вотъ эти свѣдѣнія (Записки Импер. Академіи Наукъ. XII: стр. 80):

— «Между пергаментными рукописями болѣе замѣчательны: а) Псалтырь, XIII вѣка (уставомъ на 177 лл.), въ которой каждый стихъ псалма начинается съ особой строки и киноварною буквою; б) Слова Никона Черногорца, XIII вѣка (полууставомъ въ два столбца разныхъ почерковъ, 262 л.), которыхъ переводъ и грамматическій строй языка значительно отличается отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка».

При этомъ извѣстіи приложены отрывки изъ обѣихъ рукописей, и между прочимъ изъ книги словъ Никона Черногорца весь первый столбецъ и часть втораго одного изъ листовъ (тамъ же стр. 81—81).

Въ дополненіе къ этому свѣдѣнію представляю еще нѣсколько данныхъ о рукописи, заключающей въ себѣ слова Никона Черногорца.

Эта рукопись писана на пергаминѣ въ листъ въ два столбца некрупнымъ почеркомъ по 56 строкъ, и въ настоящемъ своемъ положенiи, не имѣя между прочимъ и конца, заключаетъ въ себѣ 202 лл.

Мнѣнiе свое, что эта рукопись писана въ XII вѣкѣ, основываю на рисункѣ буквъ: *ж* (писанной между прочимъ и въ три прiема), *з*, *к*, *м*, *оу*, *ч* (писанной съ очень высокими и округло выходящими рогами), и на сходствѣ почерка съ памятниками XII вѣка, между прочимъ съ Хутынской грамотой и съ Златоструемъ этого вѣка.

Рукопись начинается на оборотѣ 1-го листа заглавiемъ:

— «СЪТАВЪ КНИГАМЪ събьрано имѣють тълкованиꙗ ѥдиного коѥгождо слова на оувѣдѣниѥ любооучимъıхъ».

За этимъ слѣдуетъ перечень главъ, короче чѣмъ передъ каждою главою и безъ конца.

Главъ всего въ книгѣ 36, какъ и должно быть въ 1-й части Никоновыхъ Пандектъ, именно:

Слово а҃ объѥмлꙗ книгъ тълкованиꙗ.
— в҃. предъложениѥ книжьнаго тълкованиꙗ.
— г҃. тълкованиѥ заповѣдии гн҃ь.
— д҃. о повиновении ꙗко зло ѥже на пакость съвкоуплениѥ.
— е҃. о повиновении рабъ пришедъшихъ постригатисꙗ.
— ѕ҃. (о) ѿлоучающихъсꙗ братии.
— з҃. о различии съблазнъ.
— и҃. о оучительхъ различиꙗ.
— ѳ҃. о различии гнѣва и ѿ ꙗрости подобнѣи.
— ı. о оклеветаньи и ѡ всꙗкомь досажении.
— аı҃. о томъ еже не премѣнитисꙗ къ ближнеѡмоу.
— вı҃. о съставлении блоуда.
— гı҃. о прѣлюбодѣйствѣ слово.
— дı҃. о клꙗтвѣ и о различныхъ лжахъ.
— еı҃. о незлобии и бестр҇тьи.
— ѕı҃. о безлобии и ѿставлении.
— зı҃. о послоушании.
— иı҃. о хотѣнiихъ своихъ и чюжихъ.
— ѳı҃. о блазѣе́мъ хотѣнии.
— к҃. о милостыни.
— к҃а ꙗко лоуче ѥсть нищимъ раздавати имѣниѥ.

— к҃в. о творащихъ милостыню.

— к҃г. ꙗко аще смотраи ѿданик оубогыхъ б҃тыхъ имѣник растачакть.

— к҃д. о любъви и҃ о҃ члвколюбии.

— к҃е. ꙗко не подобакть ѿзлобити како ч҃лвка.

— к҃ѕ. ꙗко подобакть молитиса паче за нечьстивыꙗ.

— к҃з. о томь еже не подобакть ꙗвѣ милостыни творити.

— к҃и. о молитвѣ и како подобакть молитиса.

— к҃ѳ. образъ м҃лтвы и наставленик ѻ҃шельникомъ.

— л҃. оуставъ м҃лтвѣ съ пѣниемь.

— л҃а. о тѣхъ иже на пѹти съ млтвою шьствоующии.

— л҃в. ꙗко же и м҃лтвы ѿ кого ищеть самъ же лѣнаса.

— л҃г. о ч҃лвѣкоугодии.

— л҃д. о несътажании.

— л҃е. ꙗко не подобакть оучителю любити имении.

— л҃ѕ. ꙗко пакостьна кеть бесѣда мнихомъ съ мирьскыми.

Во второй части Пандентъ Никона находится еще двадцать семъ словъ: въ разсматриваемой рукописи ихъ нѣтъ.

Имѣя въ виду то, что мнѣ извѣстно о другихъ спискахъ того же произведенія Никона по печатнымъ ихъ описаніямъ и по выпискамъ, мною сдѣланнымъ, считаю несомнѣнною важность разсматриваемой рукописи и какъ одного изъ немногихъ списковъ древняго первоначальнаго перевода Никоновыхъ Пандектъ, изъ мнѣ извѣстныхъ древнѣйшаго.

Въ библіотекѣ Чудовскаго монастыря есть полный списокъ древняго перевода Пандектъ Никона Черногорца; но писанный въ концѣ XIV в. и притомъ съ отклоненіями отъ первоначальнаго вида.

Въ Синодальной Московской библіотекѣ есть сборникъ XIII вѣка (1296 г.), заключающій въ себѣ между прочимъ и слова Никона Черногорца, въ томъ же самомъ переводѣ, но всего на все только 18 словъ (сл. 15—33) и притомъ слово 31 безъ конца, а 32 безъ начала.

Ярославскій Архіерейскій списокъ, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ почти вполнѣ всю первую часть Пандектъ Никона (не уцѣлѣло только нѣсколькихъ листовъ), и писанъ въ XII в.; а если его отнести и къ XIII вѣку, то все же въ сравненіи съ Синодальнымъ, онъ и на первый взглядъ человѣка, видѣвшаго древнія рукописи, не можетъ не показаться по почерку гораздо древнѣе.

Синодальная рукопись 1381 года, заключающая ту же 1-ю часть Пандектъ Никона, конечно, достойна вниманія, но уже не какъ списокъ древняго перевода, а какъ древнѣйшій изъ списковъ его передѣлки: какова была передѣлка древняго перевода, переписанная въ этой рукописи, указано въ Описаніи Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки (II: 3: 22—25).

Эта передѣлка была въ ходу не только въ XIV вѣкѣ, но и позже, въ XV и XVI в., какъ видно изъ подробныхъ описаній рукописей Синодальныхъ и Уваровскихъ (бывшихъ купца Царскаго); и потомъ подверглась новому измѣненію, причемъ, какъ замѣтили гг. Горскій и Невоструевъ, исправители обратились къ древнему переводу и кое гдѣ возстановили его.

Какъ бы то ни было, Ярославскій списокъ древняго перевода, равно какъ и два другихъ списка, сдѣланъ на Руси и именно въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ употребляли на выворотъ звуки *ц* и *ч*. Написаніе рукописи Русскимъ писцомъ доказывается, кромѣ этого, употребленіемъ полногласія и смягченіемъ *д* не въ *жд*, а въ *ж* (сорочиномъ, бологo, надежа, прѣже, стража и пр.).

Какъ образцы языка и правописанія привожу нѣсколько выписокъ.

л. 2. Сло^в объѥмла сложениѥ книгъ. тълкова | отъ тълковании. гй. блгви ѿче. Сиꙗ книгъı гнꙗ оубо заповѣди и сихъ тълковании имоуще. тако же съвъкоуплꙗюще и послѣдоующе ѿ оцьскъıхъ оучении. ѥдина главизна отъ дроугоѥ приѥмлюци виноу. ꙗко же се нѣкъıꙗ златъı чепи съ драгъıмь камениѥмь. и съ женьчюгъмь. съплетенъı въıю христьꙗньскоу оукрашають. аще и вѣра ѥсть права. ибо и дѣла съвьршають вѣроу. а вѣра ѡснованиѥ дѣломъ, без вѣръı ничто же оуспѣѥть. ꙗко же и вѣра кромѣ дѣлъ мьртва ѥсть ѡ себе.

л. 51. Что видиши соучьць. въ ѡ̈цѣ братоу своѥмоу. Кладъı же въ ѡ̈цѣ своѥмь не чюѥши. ли къıмъ ѡ̈бразъмъ оувидиши и соукъ ѡ̈ка брата твоѥго изꙗти иже кладоу ꙗрости въ ѡ̈цѣ своѥмь имѣꙗ покрывающаго. ѿ онъıꙗ оубо винъı гнѣвноѥ движениѥ разгорѣвъсꙗ слѣпить ѡчи. дшевнѣи. и не дасть ѥи видѣти слнца правьднаго. Ако же бо приложивъ и златоую петаль (πετάλιον) *). ли ѡ̈ловꙗноу. ѿ него же възвращениѥ слѣпотъı. златаꙗ петаль и чсть ѥꙗ творити. тако ѿ коѥꙗ оубо винъı подобнъı или ли неподобнъı. гнѣвоу въсполѣвъшюся и видѣниꙗ сила дшевнаꙗ помрачаѥтьсꙗ.

*) Слово петаль употребляется и съ окончаніемъ на *а*: петала.

Переводъ Каноновъ иногда дословно сходится съ тѣмъ древнѣйшимъ переводомъ ихъ, что въ Ефремовской кормчей, и съ тѣмъ, что въ Устюжской кормчей, въ Синтагмѣ Іоанна Схоластика; но иногда и очень отличается. Привожу нѣсколько примѣровъ, ставя подъ каждою выпискою отличія по Ефремовскому списку съ буквою Е, а отличія Устюжскаго списка съ буквою У.

Апл. к. 6. Еппъ. ли прозвутеръ. ли дияконъ мирьскъıхъ печали. да не приѥмлеть. аще ли ни. да извьржетьсѧ. (л. 202).

— прозвутеръ = Е. попъ: У. попъ.

— печали = Е. печении: У. печалии.

— да не приѥмлеть = Е. да не въспр...: У. да не приѥм...

— аще ли ни: У. а ли не хощеть.

— да извьржеться: У. да из— сщ҃ниа.

Апл. к. 44. Еппъ. ли по҃ ли диа҄нъ лихвъı рекомъıѧ сътнъıѧ приемлѧ. ли престанеть. ли да извьржетьсѧ (л. 114).

— лихвъı рекомъıѧ сътнъıѧ приемлѧ = лихвъı приноса оу заимъникъ: У. лихвоу въземлѧ ѿ займникъ.

— ли престанетъ = Е. ли да останетьсѧ: У. ли да о—сѧ того.

— извьржетьсѧ = Е. изв—нъ боудеть: У. ѿвержетъ҃.

Апл. к. 55. Аще кто клирикъ пор︮ѹ︯гаѥть еппоу своѥмоу. да извьржетьсѧ. кнѧзю бо людии своихъ неречеши зла (л. 53).

— Аще кто клирикъ = Е. Иже причьтьникъ: У. клирикъ.

— пор︮ѹ︯гаѥть = Е. досадить.

— кнѧзю = Е. старѣшинѣ: У. кнѧзю.

Апл. к. 82. Рабъ въ клиросъ съставити без господьскъı волѧ не повелѣваѥмъ. понеже скърбь ѥсть стѧжавъшемоу. развращениѥ таковъıи сдѣваѥть. Аще ли кто достоинъ ꙗвитисѧ на поставлениѥ степени ꙗко же и нашь Ѡнисимъ ꙗвисѧ. и простѧть гд҃а и ѿпоустѧть на свободоу ѿ домоу своѥго ѿпоустити створѧть.

— рабъ = Е. рабовъ: У. раба.

— въ клиросъ = Е. въ причьтъ: У. на пр—ъ.

— съставити = Е. У. приводити.

— без господьскъı волѧ=Е. безъ волѧ господъı ихъ: У. без волѣ своѥго ѥ҆моу гн҃а.

— понеже скърбь ѥсть стѧжавъшемоу=Е. на оскърбленииѥ притѧжавшимъ: У. на скорбь имоущиимъ.

— (домовъ бо) развращениѥ таковъıи сдѣваѥть = Е. д—ъ бо раз—ниѥ таковоѥ сд—ть: У. и на разорениѥ домомъ бъıваѥть.

— аще ли кто достоинъ ꙗвитиса на поставлениѥ: У. аще ли когда достоинъ боудеть рабъ свщниꙗ.

— ꙗко же и намь Ѡ—ъ ꙗвиса: У. ꙗко же и Ѡ—ъ нашь.

— и простать гда и пр.: У. и поустать гъѥ ѥго и свободать и. и из домоу ѿпоустать и да боудеть.

Въ слѣдующихъ выпискахъ привожу отличія только Ефремовскаго списка въ скобкахъ.

6-го собора к. 42. Глемъıꙗ поустъıнникъı лжеꙗвлающеса (: иже очьрньшеса) и главъı ѡбростивъше (: необстризающе) преходать (: про—) градъı и вси съ (: межю) простъıми моужьми (: моужи). мирьскъıми и женами матоущеса (: живоуще) и своѥмоу ѡбѣтоу (: ѡбѣщанию) досажающе (роугающеса) повелѣваеть (: заповѣдаѥть) власъı ѿстрѣщи (: остригъше). аще волать (: хотать) прочихъ (: мьнихъ) приимати (: въс—) ѡбразъ. сихъ в монастъıрь (: м—рихъ) впоустити (: посадити) и съ братиѥю пребъıвати (: и къ братии припитати). Аще ли ни сего изволать (: аще ли сего не изгонать) ѿиноудь (: вьсоудѣ) тѣхъ (: ꙗ) ѿ всѣхъ градъ (ѿ града) ѿгнати (: изгонити) и в пустъıнахъ прѣбъıвати (:жити) ѿ него же и има себе стажаша. (л. 41).

6-го собора к. 62. Сице рекомъı (: глемъıꙗ). каландъı (: колꙗдъı) и рекомъıꙗ (: глемъıꙗ) вотъı (: паствъı) и рекомаꙗ роусалиꙗ (: наричемъıꙗ шестъкъı) и ѥже въ. (: и въ) а҃. днь марта мца творимоѥ (: съвършаѥмоѥ) тържьство. по ѥдиномоу же къждо (: отиноудь) ѿ вѣрнъıхъ житиꙗ ѿꙗти хощемъ. нъ и еще и женъ градныхъ (: женьскиꙗ прѣдъ людьми) пласаниꙗ (л. 69).

Далѣе текстъ Никоновскій отличается и отъ обычнаго подлинника Греческаго:

ꙗко бещьстьнъıхъ и многоу пагоубоу и пакость творити могущихъ сии сборъ всѣхъ сихъ и еже подобнаꙗ игръı творащаꙗ. и оубо аще клирици соуть. сихъ измещеть. простьца же ѿлоучаѥть. Тако же иже вино въ бтаре лѣющаꙗ. смѣхъ начинають чстотъı вещь. ли соуѥтъı бѣсовьскъıꙗ льсти сдѣвающе.

Слово *бтаре* употреблено и въ Ефрем. переводѣ.

Привожу еще одинъ канонъ седьмого вселенскаго собора, переведенный въ Пандектахъ очень отлично отъ того, какъ онъ читается въ Ефремовской кормчей:

л. 22. *7-го собора к. 19.* Толикъ срѣбролюбиа вдастьса врѣдъ къ црковникомъ ꙗко и нѣкъıꙗ глемъıꙗ бгобоꙗзнивъıꙗ моужа и

женъ забъвъша заповѣдии гнь и прельстивъшеса златъмь даꙗние приходимоу сщничьскоу чиноу и въ мнишьское житие строити и бъвають. и єго жена чадонеискоусьна. и порокъ ѿмѣтьнъ. ꙗко реч великии Василии. ни бо єсть бви мамонъ ради работати лѣть. аще къто ѡбращетьса се твора. аще оубо єппъ или игоуменъ. ли кто ѿ сщничьства. ли да престанеть. ли да извьржетьса. по второмоу канону иже въ Халкидонѣ стго сбора. аще ли игоумениꙗ да ижденетьса изъ манастъра и предастьса въ инъ манастърь въ повинование. Тако же и при игоуменѣ. неимоущю ставлениꙗ прозвоутерьска ѿ родитель же предаємаꙗ рекъше чсть чадъ. ли своєго стажаниꙗ. самъхъ вещии приносимъхъ исповѣдающимъ приносащимъ симъ быти сщнамъ бѹ повелѣхомъ. аще прѣбоудеть. Аще ли изидеть быти тѣмъ въ монастъри по обѣщанию єго. тъкмо аще єсть вина прѣдъдьржащаго. И вторъи канонъ Халкидоньскаго сбора глть. ꙗко аще кто и ходатаиствоуꙗ авитса таковъи скврьньнъ. не ли аще и кли(ри)къ єсть. своєго ѿпадеть степене. аще ли простьць ли мнихъ проклатъ да боудеть.

Въ Ефремовской кормчей читается:

— Тольма пороугана бъі срѣбролюбиꙗ скврьна на властела црквьнъꙗ. ꙗко и нѣкъꙗ... моужь и женъ... злата ради приꙗтиꙗ. приходащиихъ (къ) чистительскоумоу чиноу и къ инокоумоу житию. творити бъваєть и пр.

Считаю пока достаточнымъ этихъ выписокъ. Для себя сдѣлалъ я болѣе ихъ для обозрѣнія древнихъ переводовъ кановов.

Къ XIII-му же вѣку отнесена должна быть и еще одна рукопись той же библіотеки. Это — книга Евангельскихъ чтеній, любопытная и по письму и по красотѣ рисунка большихъ буквъ. Къ сожалѣнію она не сохранилась вся какъ была: въ ней остались безъ начала и конца только 131 л. Писана она въ 2 столбца по 23 и по 24 строки довольно крупнымъ уставомъ. На оборотѣ 37 л. передъ чтеніемъ суб. н. нед ѿ мае (Рече гь просащемѹ) помѣщено изображеніе евангелиста сидящаго между зданіями; на оборотѣ 102 л. помѣщено изображеніе двухъ евангелистовъ такъ же между зданіями сидящихъ при письменныхъ приборахъ—передъ чтеніемъ въ новое лѣто ѿ Лоуки (Въ оно время Иродъ четвертовластникъ).

Къ тому же XIII вѣку, какъ и это Евангеліе, относится вѣроятно и списокъ Псалтыри.

Кромѣ этихъ трехъ рукописей въ библіотекѣ Ярославскаго Архіерейскаго дома есть и еще нѣсколько пергаменныхъ, именно: книга Евангельскихъ чтеній (3: 720), двѣ книги служебной минеи: одна за май (9: 238), другая за декабрь (43: 831), каноны Богородичные (10: 847), синаксарь (11: 853).